

Pk 113
p 89

БФ

23189

КОРОТКИЙ ПАСПОРТ КНИГИ

+

Шифр Рк ШЗ Р89 Инв. № 267 0347

Автор _____

Назва Русские бышны и
сказанья про богатырей.

Місце, рік видання Єнд., 1894.

Кіл-ть стор. 4, 82, 2 с. ил.

- " - окр. листів _____

- " - Ілюстрацій _____

- " - карт _____

- " - схем _____

Том _____ частина _____ вип. _____

Конволют _____

Примітка:

18.03.94 Гел

2005

18.06-11389ф

РУССКІЯ БЫЛИНЫ И СКАЗАНІЯ

ПРО БОГАТЫРЕЙ

ДРЕВНЕ-КІЕВСКАГО ПЕРІОДА

Въ новомъ общедоступномъ изложеніи

ИЗДАНИЕ А. КАСПАРИ

Державна
бібліотека
України

С.-ПЕТЕРБУРГ
Типографія «Родины» (А. Каспарі), Лито
1894

№ 114

2670347

ОГЛАВЛЕНІЕ

БЫЛИНЫ.		Добрыня Никитичъ.		Идолжице и Илья	
	СТР.		СТР.		СТР.
Святогоръ	1	I. Былина	73	Илья и Калинъ царь	53
Вольга Всеславьевичъ.		I. «	78	Владимиръ у Чурилы	57
Рожденіе Вольги	5	II. «	82	Чурило на прогулкѣ	63
Вольга и Микула	11			Забава	65
Илья Муромецъ.				Дюкъ и его матушка	67
Встрѣча Ильи съ каликами	15			Дюкъ на заставушкахъ	69
Илья Муромецъ и Соловей	19			Дюкъ у креста Левонидова	71
Соловей Разбойникъ	23			Споръ Дюка съ Чурилой	73
Застава богатырская	31			Добрыня и змѣй Горынище	77
Илья Муромецъ и Нахъ	33			Змѣй похищаетъ Забаву	79
Чудо-Идолище	37			Добрыня спасаетъ Забаву	81
Илья Муромецъ у Кн	43			Добрыня возвращается съ Забавой въ Кіевъ	83
Чурило Пленковичъ	49			Настасья Никулична и Добрыня	85
Соловей Будимировичъ	55			Добрыня и его матушка	87
Дюкъ Степановичъ	61			Прощаніе Добрыни съ женой	89
				Смерть Добрыни	91
				Раскаяніе Настасьи Никуличны	93
				Добрыня и Алеша Поповичъ	95

Рисунки:

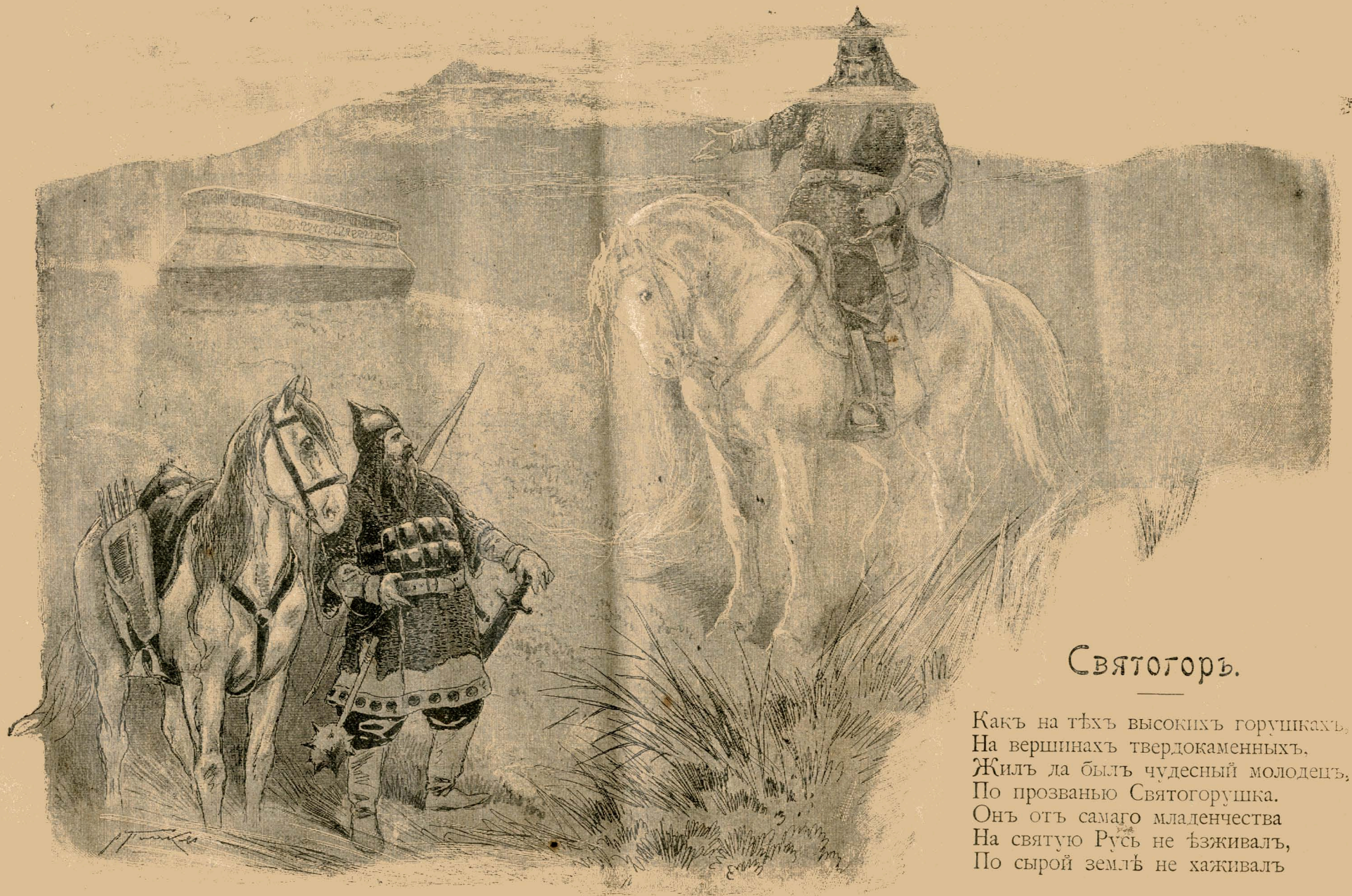

СЫНОВЬ.

ИЗДАНИЕ
1894

РИС. АБАД. М. О. ВЕРШИНА.

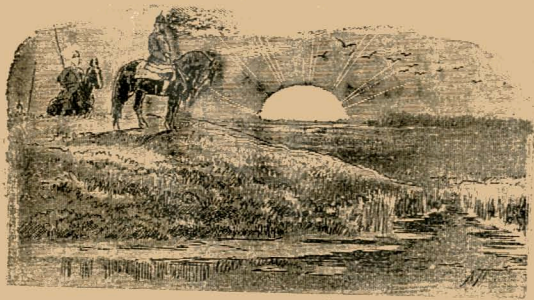

Святогоръ.

Какъ на тѣхъ высокихъ горушкахъ,
На вершинахъ твердокаменныхъ,
Жилъ да былъ чудесный молодець,
По прозванью Святогорушка.
Онъ отъ самаго младенчества
На святую Русь не ѣзживаль,
По сырой землѣ не хаживаль

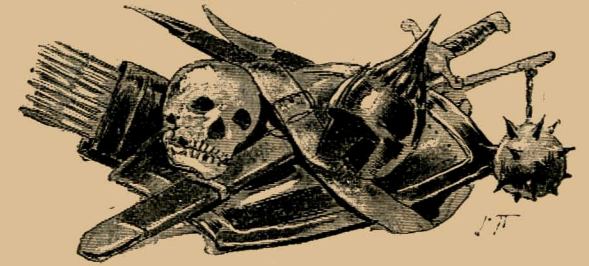
Захотѣлъ Илья Ивановичъ,
 Атаманъ казацкій Муромецъ,
 Разузнать про добра молодца,
 Про того ли Святогорушку.
 И поѣхалъ Илья Муромецъ
 Къ Святогору, добру молодцу.
 Видитъ: ѣдетъ богатырище,
 Ростомъ выше лѣса темнаго;
 Головой онъ упирается
 Въ облакъ-тучу поднебесную...
 Подѣзжалъ къ нему тутъ Муромецъ,
 Подѣзжалъ къ нему близехонько,
 Отдавалъ поклонъ низехонько.
 — Здравствуй, славный богатырище!
 — Ты-то самъ откуда, молодецъ?
 Какъ назвать тебя по имени,
 Возвеличить по отчеству?
 — Я изъ города изъ Мурома,
 Изъ селенья Карачарова,
 А зовусь—Ильею Муромцемъ.
 Захотѣлось мнѣ увидѣться
 Съ Святогоромъ-богатырищемъ...
 Онъ на Русь-то къ намъ не ѣзживалъ,
 По сырой землѣ не хаживалъ.

Отвѣчаетъ богатырище:
 — Посѣтилъ бы Русь я — матушку,
 Да земля меня не вынесетъ!

Мнѣ объѣзживать позволено,
 Только горушки высокія,
 Да ущелія глубокія...
 Хочешь, что-ли, Илья Муромецъ,
 Съѣздимъ нынче мы по шелейкамъ,
 По святымъ горамъ, по каменнымъ...
 Побратались они съ Муромцемъ
 Да крестами помѣнялися —
 Стали братьями крестовыми
 И вдвоемъ помчались на горы —
 А дорогой забавлялися,
 Въ буйной силѣ изловчались...
 А дорогой добры молодцы
 Повстрѣчали чудо-чудное,
 Повстрѣчали диво-дивное,
 Гробъ великій, гробъ невиданный.
 Говоритъ Ильѣ тутъ молодецъ:
 — Ты ложись-ка, Илья Муромецъ,
 Въ трехсаженную хоромину,
 Не тебѣ-ль она поладится?
 Соскочилъ Илья съ жеребчика,
 И ложился въ гробъ невѣдомый...
 Дологъ былъ тотъ гробъ для Муромца.
 Святогоръ съ коня соскакивалъ
 И ложился въ гробъ невѣдомый.
 Въ пору гробъ былъ Святогорушкѣ,
 Изъ него ему не вылѣзти!
 И взмолился Святогорушка:
 — Охъ, ты гой, Илья Ивановичъ,
 Подними меня, крестовый братъ,
 Поскорѣй изъ гроба выручи!
 Привставалъ Илья Ивановичъ,
 Подходилъ онъ къ Святогорушкѣ,
 Да не могъ его онъ выручить.
 Святогоръ его упрашивалъ:
 — Ты разбей мечемъ ущелія,
 Да меня изъ гроба выручи!
 Поднималъ Илья булатный мечъ,

Ударялъ по гробу дивному.
 Что ударъ, то будто обручемъ
 Гробъ тяжелый онъ обтягивалъ...
 Тутъ сказалъ изъ гроба тяжкаго
 Святогорскій богатырище:
 — Видно тутъ мнѣ жизнь оканчивать!
 Охъ, ты гой, Илья Ивановичъ,
 Ты сходи къ отцу-родителю,
 Къ моему-ль кормильцу древнему,
 Попроси ты у родителя
 Сыну вѣчное прощенье!

Отправлялся Илья Муромецъ
 Прочь отъ брата, отъ крестоваго,
 На ту гору Палавонную,
 Къ старику тому ли древнему,
 Къ старцу древнему, да темному.
 — Здравствуй, старецъ, здравствуй, дѣ-
 душка!

Я привезъ тебѣ, старинушка,
 Отъ сынка ли отъ любезнаго,
 Святогора, добра молодца,
 И поклонъ и челобитьице:
 Проситъ онъ прощенья вѣчнаго!
 Онъ въ гробу лежитъ невѣдомомъ:
 Не поднять оттуда молодца!
 Разсердился старецъ-дѣдушка.
 — Знать, убилъ ты Святогорушку,

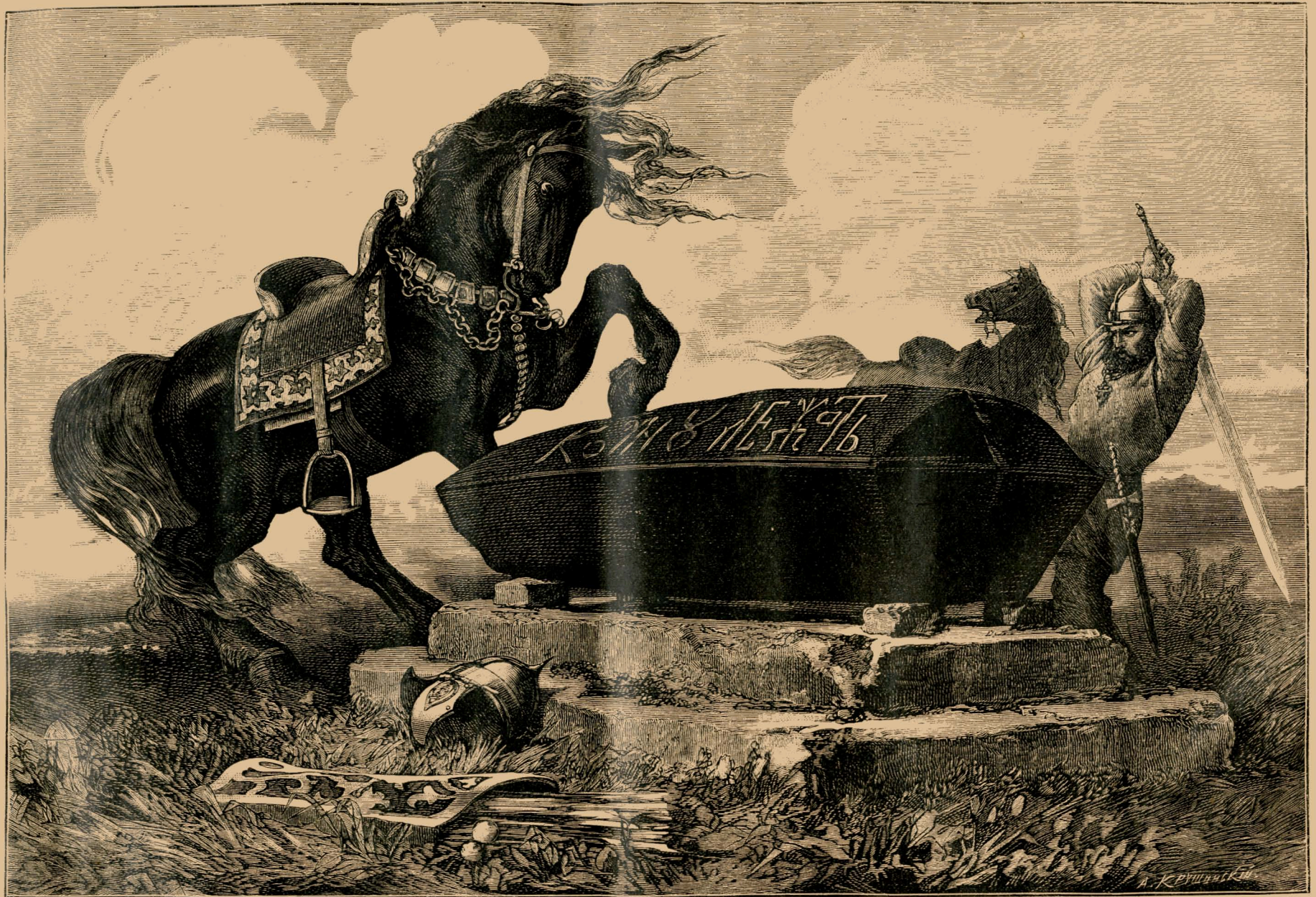

Рис. англ. М. О. Митшина

Что ударъ, то будто обручемъ
Гробъ тяжелый онъ обтягиваль. (См. стр. 2).

Да привезъ мнѣ, старцу темному,
Вѣсть тяжелую да горькую!
Бралъ онъ палицу огромную,
Замахнулся ей на Муромца,
Да Илья то прочь отскакивалъ.

Тутъ то старецъ образумился,
Далъ онъ вѣчное прощенье
Сыну милому, любезному.
Илья Муромецъ въ обратную
Путь-дорогу отправляется,

Къ Святогору, добру молодцу,
Привозилъ ему прощенье
Отъ отца родного батюшки...
Святогоръ съ Ильей прощается,
Попрошавшись съ нимъ, кончается!

Вольга.

Какъ за горы, за высокія,
За моря ли, за широкія,
Закатилось красно солнышко,
Зарождались въ небѣ звѣзды,
Порождался на Святой Руси,
Порождался Вольга-батьюшка,
Вольга-батьюшка, Всеславьевичъ.
Мать земля заколыхалася,
Царство дрогнуло индѣйское,
Сине-море всколебалось.
Въ день рожденья богатырскаго
Вольги-батьюшки, Всеславвича,
Рыба въ морюшко попряталась,
Поднималась птица къ облаку,
Туры за горы подвинулись,
Защиты спрятались по чашицамъ,

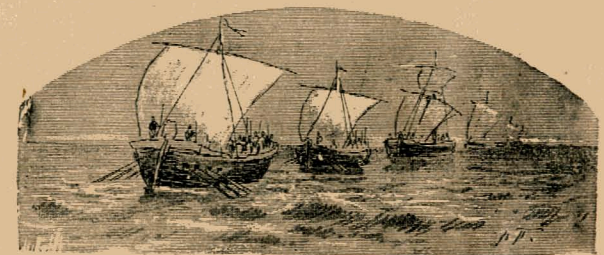
Волки сѣрые по ельникамъ,
 А кунницы по за рѣченькой.
 Часть не минуль отъ рожденія,
 Говоритъ Вольга, — что громъ гремитъ:
 — Гой, ты матушка — сударыня,
 Мароа матушка, Всеславьевна.
 Не спеленывай ты, матушка,
 Сына въ шелкову пеленочку,
 Не поясай мягкимъ поясомъ,
 Пеленай меня, родимая,
 Въ латы крѣпкія, булатныя,
 Шлемъ клади на буйну голову,
 Въ руку правую дай палицу,
 Дай мнѣ палицу свинцовую,
 Въ три аршина, стопудовую.
 А какъ былъ Вольга семи годковъ,
 Такъ пошелъ сударь Всеславьевичъ,
 Обучаться всякимъ мудростямъ,
 Всякимъ знаніямъ, да хитростямъ:
 Подыматься птицей къ облаку,
 Опускаться въ море рыбкою,
 По лѣсамъ бродить лисицею.
 А какъ былъ Вольга въ двѣнадцать лѣтъ,
 Сбиралъ дружину храбрую,
 Созывалъ дружину добрую,
 Тридцать парней безъ единого,
 Самъ онъ Вольга во тридцатыхъ.
 Скажетъ, — молвитъ онъ дружинушкѣ:
 — Гой, дружина моя храбрая,
 Атамана слушай старшаго!
 Вей веревочки шелковыя,
 Станови ихъ во темномъ лѣсу,
 Станови ихъ въ чистомъ полюшкѣ,
 Подлѣ моря, моря синяго,
 Излови-ка звѣря краснаго,
 Красна соболя съ кунницею.
 Атамана слышатъ молодцы,
 Вьютъ веревочки шелковыя,

Во темномъ лѣсу, во полюшкѣ,
 Ловить три дня и три ноченьки,
 Не могли словить ребятушки
 Въ сѣти звѣря ни единого.

Обернулся львомъ Всеславьевичъ.
 Какъ поскочить по сырой землѣ,
 Налевилъ лисицъ съ кунницами,
 Соболей съ звѣрями дикими,
 Поскокучихъ мелкихъ зайченокъ,
 Чернохвостыхъ горностаюшекъ.
 А какъ былъ онъ въ славномъ Кіевѣ
 Со своей дружиной храброю,
 Скажетъ, — молвитъ ей Всеславьевичъ:
 — Гой, дружина моя добрая,
 Атамана слушай старшаго,
 Ставь-ка пасточки дубовыя,
 Ладь силки скорѣй шелковыя—
 Да ловите гусей-лебедей,
 Птицу мелкую и крупную.
 Атамана слышатъ молодцы,
 Ставятъ пасточки дубовыя,
 Быстро вьютъ силки шелковыя,
 Ловятъ три дня и три ноченьки,
 Не могли словить ребятушки,
 Ни единой мелкой пташечки.
 Осерчалъ Вольга Всеславьевичъ,

Обернулся Науй-птицею,
 Полетѣлъ по поднебесію,
 Гусей-лебедей налавливалъ,
 Пташку мелкую заклеывалъ.
 А какъ былъ Вольга Всеславьевичъ
 Возлѣ Кіева Великаго,
 Говорилъ онъ, приговаривалъ:
 — Ой, дружина моя храбрая!
 Атамана слушай старшаго,
 Топоры возьми черкасскіе,
 Строй суденышки дубовыя,
 Тоневья вяжи шелковыя,
 Выѣжай на сине морюшко,
 Излови-ка рыбу красную,
 Что семужину съ бѣлужиною,
 Щуку хищную съ плотничкою,
 Осетрину рыбу цѣнную.
 И лови ее, излавливай,
 Ровно три дня и три ноченьки!
 Поднялась дружина храбрая,
 Исполняетъ приказанье
 Атамана, брата старшаго.
 Топоры беретъ черкасскіе,
 Строитъ лодочки дубовыя,
 Тоневья плететъ шелковыя,
 Выѣжаетъ въ сине морюшко,
 Ловить три дня и три ноченьки,
 Ничего словить не въ силушкахъ.

Обернулся львомъ Всеславъевичъ. (См. стр. 6).

Осерчалъ Вольга Всеславьевичъ,
Обернулся рыбой щучиной,
Побѣжалъ по синю морюшку,
Въ тоневя-ли, во шелковыя,
Рыбу мигомъ заворачивалъ,
Ту ли рыбу, рыбу красную,
Что семужину съ бѣлужиной,
Щуку хищную съ плотичкою,
Осетрину рыбу цѣнную.
А какъ былъ Вольга подъ Кіевомъ,
Говорилъ Вольга дружинишкѣ:
— Гой, дружина моя храбрая,
Есть ли кто межъ вами, молодцы,
Кто-бы смогъ своею силою
Обернуться быстрой турицей,
Побѣжать къ царю индѣйскому
Да извѣдать все доподлинно
Про Салтыка про Ставрुльича,
Про его ли буйну голову,
Что онъ думаетъ съ Азвяковной,
Своей славною парицею!
Точно травка разстилаются
Предъ Вольгою добры молодцы:
— Нѣтъ у насъ такого молодца!
Развѣ ты одинъ Всеславьевичъ!
Осерчалъ Вольга Всеславьевичъ,
Обернулся быстрой турицей.
Въ первый скокъ Вольга версту скочилъ,
А второго — и не видѣли.
Проскакавши путь — дороженьку,
Обернулся онъ изъ турицы
Малой птицей — мелкой пташицей.
Полетѣлъ по поднебесію
Прямо въ ту страну индѣйскую,
Да на тѣ палаты царскія,
На окошечко косявчато.
А и слышитъ онъ въ окошечко,
Царь съ парицею бесѣдуетъ:

— Ай парица ты, Азвяковна,
Знаю я про то и вѣдаю,
На Руси дѣла не ладныя!
Тамъ трава растетъ по старому,
Тамъ цвѣты цвѣтутъ по прежнему,
Только нѣтъ Вольги Всеславывича!
Говоритъ ему Азвяковна:
— Ой ты царь, Салтыкъ Ставрुльевичъ,
Ночью мнѣ во снѣ привидѣлось,
Что съ восточной ли сторонишки,
Налетала пташка мелкая
Налетѣли злые вороны,
А слетались въ чистомъ полюшкѣ,
Другъ со дружкой передралися.
А и та ли пташка мелкая
Поклевала черна ворона,
Разнесла его по перушкѣ.
— Ай парица ты, Азвяковна!
Я поѣду на святую Русь,
Завоюю Русь великую,
Тѣ ли девять селъ съ приселками,
По селу на сына каждаго.
А тебя, мою Азвяковну,
Одарю я теплой шубою.
Говоритъ ему Азвяковна:
— А не взять тебѣ, Ставрульевичъ,
Тѣ ли девять селъ съ приселками,
Не дарить меня шубейкою!
Осерчалъ Салтыкъ Ставрульевичъ,
По лицу онъ билъ Азвяковну,
Пролилъ — вылилъ кровь напрасную,
Кровь напрасную, безвинную.
Обернулся тутъ Всеславьевичъ
Малымъ звѣремъ — горностаюшкомъ,
Побѣжалъ въ подвалы темныя,
Въ погреба полѣзъ глубокіе,
Изгрызалъ тетивы крѣпкія,
Вынималъ со стрѣлъ кончаники,

А съ ружья ли самострѣльнаго
Кремни съ шомполомъ повидергалъ.
Обернулся тутъ Всеславьевичъ
Малой птицей, мелкой пташкою,
Завился по поднебесію,
Полетѣлъ во чисто полюшко
Къ своей ли, къ дружинишкѣ.
Спитъ дружина его храбрая,
Но не спитъ Вольга Всеславьевичъ!
Разбудилъ ее Всеславьевичъ:
— Гой дружина моя храбрая,
Не до сна теперь, родимая,
На царя пойдемъ индѣйскаго!
Спитъ дружина его храбрая,
Но не спитъ Вольга Всеславьевичъ.
Обернулся сѣрымъ волкомъ онъ,
По лѣсамъ бѣжитъ, по ramenьямъ,
Звѣря бьетъ Вольга сохатаго,
Бьетъ онъ волка и медвѣдицу,
Соболей и барса лютаго,
Да и зайцами не брезгуетъ.
Накормилъ Вольга дружинишку,
Напоилъ онъ добрыхъ молодець,
Одѣвалъ ихъ въ шубы теплыя,
Тѣ ли шубы соболинныя,
Съ мѣхомъ барса перемѣнныя...
Спитъ могучая дружинишка,
Но не спитъ Вольга Всеславьевичъ.
Полетѣлъ онъ къ морю синему,
Билъ гусей и бѣлыхъ лебедей,
Сѣрымъ утицамъ не спускавалъ,
Мелкой пташкою не брезговалъ!
И поилъ кормилъ дружинишку
Той-ли яствой перемѣнною,
Сладко-сахарной отмѣнною.
Подошелъ Вольга съ дружиною
Къ той стѣнѣ-ли бѣлокаменной
Царства славнаго индѣйскаго!

А и слышитъ онъ въ окошечко,
Царь съ царицею бесѣдуетъ. (См. стръ 6).

Да крѣпка стѣна гранитная,
Въ ней воротушки желѣзныя;
А за ними прохлаждаются
Караулы денно-нощныя.
Подворотня чудодѣвная,
Дорогая, съ тонкимъ вырѣзомъ,
Чуть пройти въ нее мурашику.
Тутъ дружина закручинилась,

Закручинилась, взмолилася:
— Потерять намъ здѣсь головушки,
Не пройти намъ стѣнку бѣлую!
Но не спитъ Вольга Всеславьевичъ,
Обернулся онъ мурашикомъ,
Обернулъ и добрыхъ молодецъ
Чуть-чуть видными мурацками.
Всѣ прошли чрезъ стѣнку бѣлую,

И на той ли на сторонушкѣ
Царства славнаго индѣйскаго
Обернулись въ добрыхъ молодецъ,
Брали въ плѣнъ страну индѣйскую,
Захватили много золота,
А коней то, да коровушекъ —
Табунами подѣлилися,
Что на каждаго по тысячь!

Вольга и Микула.

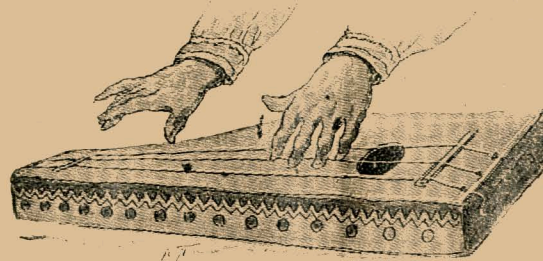
Какъ во славномъ градѣ Кіевѣ,
У того-ль у князь-Владимира
Былъ возлюбленный племянничекъ,
Молодой Вольга Всеславьевичъ.
Одарилъ его, ожалогалъ

Князь Владиміръ стольно-кїевскій
 Городами и крестьянами:
 Первымъ городомъ—Орѣховцемъ
 Вторымъ городомъ—Крестьяновцемъ,
 Третьимъ городомъ—Гурчеевцомъ.
 Молодой Вольга Всеславьевичъ
 Со своей дружиной храброю
 Къ нимъ поѣхалъ за получкою.
 Выѣзжалъ онъ въ чисто полюшко,
 Услыхалъ онъ тамъ ратаюшку...

Ужъ ореть ратай, понукиваетъ,
 Его сошенька поскрипываетъ,
 По колесикамъ почеркиваетъ.
 Долго брелъ Вольга къ ратаюшкѣ,
 Цѣлый день съ утра до вечера,
 Со своей дружиной храброю,
 А не могъ къ нему доѣзживать.

Ужъ ореть ратай, понукиваетъ,
 Его сошенька поскрипываетъ,
 По колесикамъ почеркиваетъ.
 Третій день Вольга выѣзживалъ,
 Третій день съ утра до вечера,
 На ратаюшку наѣзживалъ...
 Пашетъ въ полѣ томъ ратаюшка,
 Съ края въ край ведетъ бороздушки
 У того-ли у ратаюшки
 Да лошадушка соловая,
 Сошка-сошенька кленовая,
 Въ сошкѣ гужики шелковые,
 А подсошники булатные!
 А присошечекъ серебряный
 А рогачикъ—красна золота...
 Вьются кудри у ратаюшки,
 Точно жемчугъ разсыпаются...
 Очи свѣтятъ, какъ у сокола,
 Брови цвѣта черна соболя...

Говоритъ Вольга Всеславьевичъ:
 —Въ помочь Богъ тебѣ, ратаюшка!

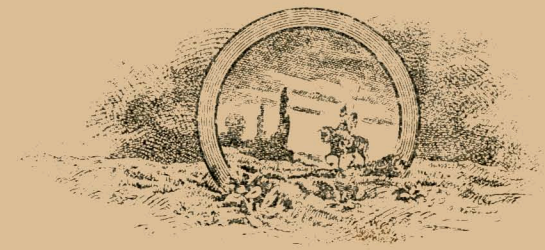
Много дней тебѣ крестьянствовать,
 Съ края въ край вести бороздки,
 Камни крѣпкіе вывертывать!

Говоритъ ему ратаюшка:
 —Подходи, Вольга Всеславьевичъ,
 Со своей дружиной храброю:
 Помочь мнѣ нужна крестьянская.
 А скажи ко мнѣ, Всеславьевичъ,
 Держишь путь куда дороженьку?
 —Бѣду я, сказалъ Всеславьевичъ,
 Въ города-ли за получкою:
 Въ первый городъ — во Орѣховецъ,
 Второй городъ — во Крестьяновецъ,
 Въ третій городъ — во Гурчеевецъ.

Говоритъ ему ратаюшка:
 —Ай же ты, Вольга Всеславьевичъ!
 Побывалъ и я въ томъ городѣ,
 Соль возилъ оттуда крупную,
 Мужики тамъ все разбойники,
 Просятъ деньги подорожные.

Говоритъ Вольга Всеславьевичъ:
 —Охъ, ты гои еси, ратаюшка,
 Ты иди ко мнѣ въ товарищи!
 Распрягалъ ратай кобылушку,
 Говоритъ Вольгѣ Всеславвичу:

—Ой же ты, Вольга Всеславьевичъ,
 Бросилъ сошку я въ бороздочкѣ
 Не для всякаго прохожаго—
 Мужичины деревенскаго...
 Какъ-бы сошку намъ кленовую
 Изъ сырой земли повидернуть,
 Пыль съ омѣшиковъ повитряхнуть,
 За ракитовъ кустъ зашвыривать.
 Молодой Вольга Всеславьевичъ
 Посылаетъ изъ дружинушки
 Пять могучихъ добрыхъ молодцевъ.
 Ухватились добры молодцы
 За ту сошеньку кленовую,
 Вертятъ ею, да не въ силушкахъ
 Изъ земли сырой повидернуть,
 За ракитовъ кустъ забрасывать.
 Молодой Вольга Всеславьевичъ
 Посылаетъ десять молодцевъ,
 А и тѣ-ли добры молодцы
 За ту сошеньку схватились,
 Вертятъ ею, да не въ силушкахъ
 Изъ сырой земли повидернуть,
 За ракитовъ кустъ забрасывать.
 Посылаетъ Вольга Всеславьевичъ
 Всю дружинишку хоробую.
 Ухватились добры молодцы,
 Вертятъ сошеньку кленовую,
 А поднять ее не въ силушкахъ.
 Подѣзжалъ тогда ратаюшка,

Бралъ одною рукою сошеньку,
Изъ земли ее выдергивалъ. (См. стр. 14).

На кобыль, на соловенькой,
Бралъ одной рукою сошеньку,
Изъ земли ее выдергивалъ,
Пыль съ омѣшиковъ вытряхивалъ,
За ракитовъ кустъ забрасывалъ.
На коней тутъ сѣли молодцы,
Въ поле чистое поѣхали.
Молодой Вольга Всеславьевичъ
Скокомъ ѣдетъ за ратаюшкой.
Сталъ Всеславичъ тутъ покрикивать,
Колпакомъ своимъ помахивать:
—Ты постой, ратай—ратаюшка!

Будь твоя кобылка шустрая
Не кобылкой, а жеребчикомъ,
Даль-бы я тебѣ полтысячи.
Говоритъ ратай—ратаюшка:
—Глупъ же ты, Вольга Всеславьевичъ.
Бралъ ее я изъ подъ матушки,
Больше тысячи выплачивалъ.
Будь моя кобылка шустрая
Не кобылкой, а жеребчикомъ,
И пѣны тогда-бъ ей не было.
Говоритъ Вольга ратаюшкѣ:
—Ай же ты, ратай—ратаюшка,

Ты скажи-ка, не потай себя,
Какъ тебя зовутъ по имени,
Величаютъ какъ по отчеству?
—Знаютъ молодца по выѣзду,
Знаютъ добраго по храбрости,
Распашу я ниву тучную,
Соберу подъ осень хлѣбушка,
Наварю я пива добраго,
Напою крестьянъ я до сыта...
Станутъ пить они покрикивать,
Низко кланяясь, покликивать:
Гой, Микулъ Селяниновичъ!

Илья Муромецъ.

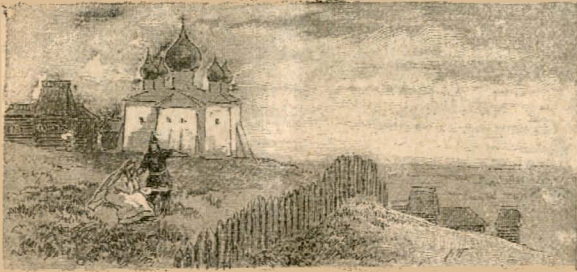
I.

Встрѣча Ильи съ каликами.

Вспомянулось время оное —
Полилось вино зеленое,
Пиво пьяное запѣнилось,
Голова къ плечамъ накренилась,
Заходили пальцы тонкіе,
Заиграли гусли звонкія,
Про Илью ли, про Иваныча,
Про Иваныча, про Муромца...
Какъ во городѣ, во Муромѣ,
Во селѣ ли Карачаровѣ,
Тридцать три года съ излишкою

Державна
бібліотека
України

Сидуномъ сидѣль крестьянскій сынъ,
Илья Муромецъ, Ивановичь...
Уходили сударь-батюшка
Со родительницей съ матушкой,
Въ ту-ли ли пору, пору лѣтнюю,
Уходили въ сѣнокосную,
Поработать, позабавиться,
За работой порасправиться.

Приходили къ дому Муромца,
Подъ окошко, подъ косявчато,
Тѣ калики перехожіе,
Люди бѣдные хожалые,
Притомленные, усталые.
Говорятъ они крестьянину
Ильѣ Муромцу, Иванычу.
— Охъ ты гой — Илья, подай испить!
— Ой, калики, — говоритъ Илья, —
Я безъ рукъ сижу, безъ ноженекъ!
— Ты, Илья, насъ не обманывай! —
Говорятъ ему прохожіе.
Всталъ Илья тутъ, словно встрепанный.
Наливалъ вина заморскаго
Полтора ведра съ осьминою,
Нищей братіи поднашивалъ,
Да испить вина испрашивалъ.
Пить не пьютъ вина прохожіе,
А велятъ его испить Ильѣ...

Выпивалъ Илья ведерушко...
Говорятъ тутъ старцы Божіе,
Старцы старые, прохожіе:
— Много-ль силы, Илья Муромецъ,
Ты почувялъ въ своихъ рученькахъ?
— Кабы столбъ съ земли до небушка,
А къ нему кольцо червленное,
За кольцо бы взялъ я рученькой,
Повернулъ бы Святорусскую! —
Говорятъ Ильѣ прохожіе:
— Ты пойдѣ Илья Ивановичъ,
Принеси другую чарочку
Зелена вина заморскаго! —

Уходилъ Илья въ кладовушку,
Наливалъ вина заморскаго
Полтора ведра съ осьминою,
Нищей братіи поднашивалъ
Да испить вина испрашивалъ.
Пить не пьютъ вина прохожіе,
Угощють Илью Муромца...
Выпивалъ Илья ведерушко...
Говорятъ тутъ старцы Божіе:
— Много-ль силы, Илья Муромецъ,
Ты почувялъ въ своихъ рученькахъ?
Старцамъ Божымъ говоритъ Илья:
— Во мнѣ силы половинушка.

Говорятъ Ильѣ прохожіе:
— Ты пойдѣ, Илья Ивановичъ,
Принеси намъ третью чарочку
Зелена вина заморскаго.

Уходилъ Илья въ кладовушку,
Небольшую заповѣдную,
Наливалъ вина заморскаго,
Сладкопѣннаго, стоялаго,
Изъ боченочка дубоваго,
Наливалъ изъ крана крѣпкаго
Полтора ведра съ осьминою,
Нищей братіи поднашивалъ.

Да испить его испрашивалъ.
Пить не пьютъ вина прохожіе,
Угощаютъ Илью Муромца.
Выпивалъ Илья ведерушко.
Говорятъ тутъ старцы Божіе:
— Много-ль силы, Илья Муромецъ,
Ты въ своихъ почувялъ рученькахъ?
Отвѣчаетъ добрый молодець:
— Во мнѣ силы — сила полная,
Та ли сила богатырская,
Не простая, Святорусская.
— Такъ ступай ты, добрый молодець,
По святой Руси разгуливать,
Басурмановъ поколачивать!
Выходи во поле чистое,
Доставай коня могучаго!
Покупай подстать жеребчика,
Выводи его на волюшку,
На луговое раздольище,
Въ срубѣ выдержки три мѣсяца,
Да пшеницею выкармливай!
А пройдетъ поры три мѣсяца,
Ночки три въ саду поваживай,
Въ три росы его выкатывай,
Къ тыну выведи высокому;
Перескочитъ въ обѣ стороны, —
Поѣзжай куда захочется!...

5580798

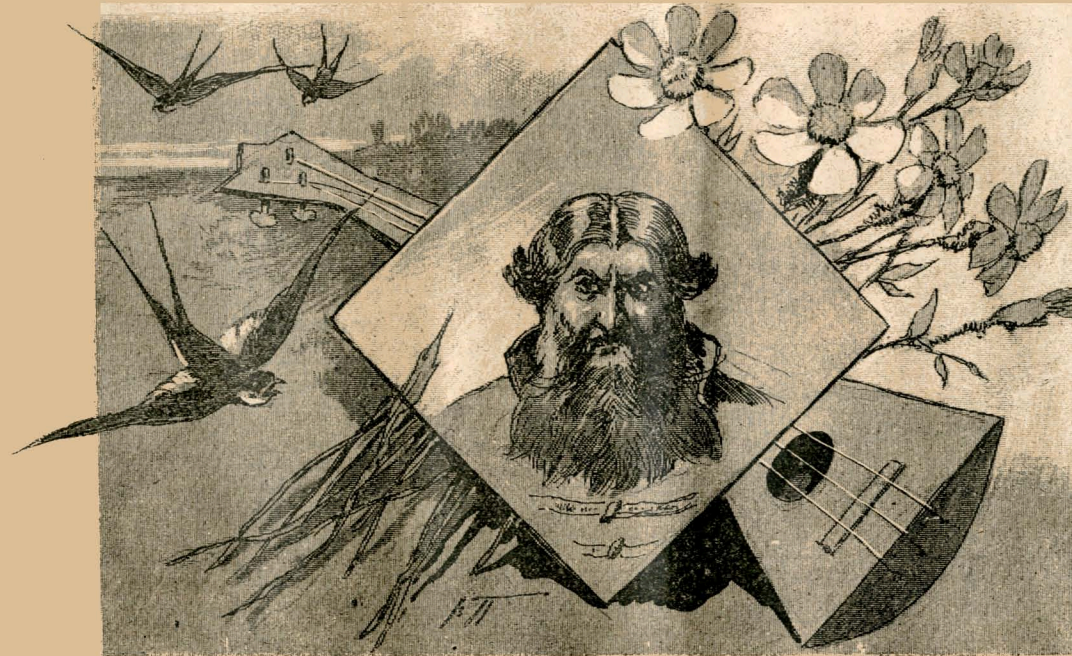

За кольцо бы взял я рученькой,
Повернул бы Святорусскую. (См. стр. 16)

А на томъ ли чистомъ полюшкѣ,
А на той ли быстрой рѣченькѣ,
На горахъ ли твердокаменныхъ,
На далекомъ синемъ морюшкѣ —
Нѣтъ тебѣ кончины горестной,
Смерти черной и неправедной!
Твой жеребчикъ не изъѣздится,
Мечъ булатный не притупится,

Шапка съ платьемъ не износится,
Лукъ тяжелый не изломится...
А и смерть придетъ желанная,
Смерть—кончина православная,
Ты по прежнему останешься
У народа въ свѣтлой памяти,
На пирахъ ли, на весельицахъ,
Въ молодецкихъ ли поѣздочкахъ,

Пропокоть Ильѣ Иванычу
Про его дѣянья славушку!
А, услышавъ, красна дѣвица,
Пригорюнясь, затуманится.
А веселый добрый молодець,
Улыбнувшись, подбоченится!
Тутъ калики потерялися,
Точно въ воздухъ разсѣялися.

II.

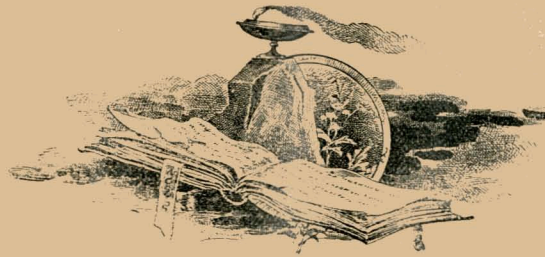
Илья Муромецъ и Соловей-разбойникъ.

То не дубъ къ землѣ склоняется,
То не вѣтки разстилаются,
То Илья Иванычъ, Муромецъ,
Разстилается предъ батюшкой,
Да склоняется предъ матушкой,

2*

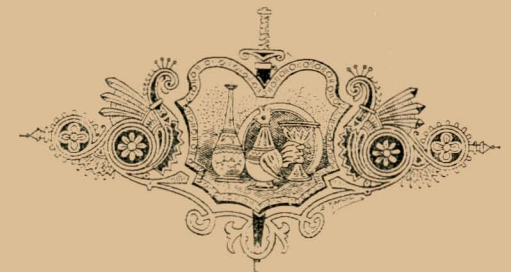
Просить ихъ благословеньица,
 — Охъ, вы гой, еси — родимые!
 Дайте мнѣ благословеньице,
 Я поѣду въ славный Кіевъ-градъ,
 Помолюсь святынямъ Кіевскимъ,
 Постою за князь-Владиміра,
 Да за вѣру православную!
 Отвѣчаетъ отецъ-батюшка:
 — Дамъ тебѣ благословеньице,
 На дѣла одни, на добрыя!
 Поѣзжай путемъ дорогою,
 Зломъ не мысли на татарина,
 А тѣмъ паче на христьянина!
 Тутъ сѣдлалъ Илья жеребчика,
 Обкольчужился, облатился,
 Бралъ онъ палицу булатную,
 Бралъ копье онъ долгомѣрное,
 Еще лукъ тугой со стрѣлами —
 И пошелъ Илья во Божій храмъ;
 Предъ иконою Спасителя
 Отстоялъ Илья заутреню,
 Что заутреню воскресную,
 Отставяши съ крестнымъ знаменемъ
 Завѣщалъ завѣты крѣпкіе —
 Бхать къ городу ко Кіеву
 Къ князю свѣтлому Владиміру
 Все дорогой прямоѣзжею,
 Черезъ тѣ лѣса чрезъ Брянскіе,
 Черезъ грязи чрезъ Смоленскія;
 Въ полѣ лука не натягивать,
 Каленой стрѣлы не пускивать,
 Не кровавить кровью палицы,
 Не ломать копыя о грудь врага,
 Зломъ не мыслить на татарина,
 А тѣмъ паче на христьянина...
 Не пускать по свѣту бѣлому
 Малыхъ дѣтокъ спротинками,
 Не бросать въ бою родителей,

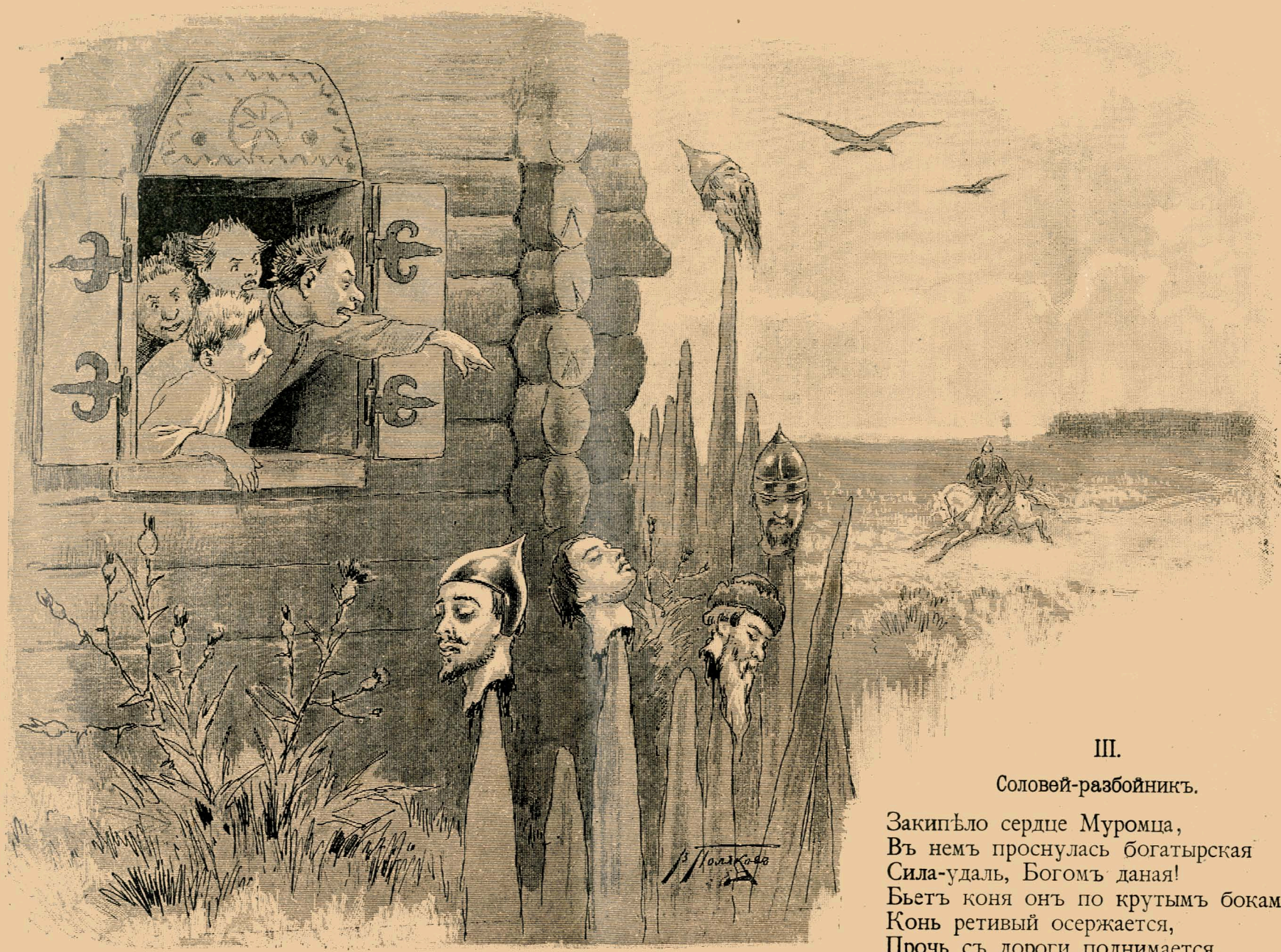
Безъ родимыхъ милыхъ дѣтушекъ,
 А любимыхъ женъ вдовицамъ.
 И сѣдился Илья Муромецъ
 На коня-ли на жеребчика
 И поѣхалъ въ поле чистое,
 Бьетъ коня онъ по крутымъ бокамъ,
 Конь ретивый осержается,
 Прочь съ дороги отдѣляется,
 Скачетъ скокомъ неизмѣреннымъ
 Выше дерева стоячаго,
 Ниже облака ходячаго...
 Въ три ускока богатырскіе
 Прискакалъ онъ ко Чернигову...

А подъ нимъ-то подъ Черниговымъ,
 Силы-силушки чернымъ-черно,
 Ужъ черно, какъ черна ворона;
 А стоятъ тамъ три паревича,
 Съ каждымъ силы сто двѣ тысячи...
 А во городѣ-Черниговѣ
 Всѣ ворота призатворены,
 Стража крѣпкая поставлена...
 Въ храмъ Божьемъ люди молятся,
 Люди, каясь, причащаются,
 Съ свѣтомъ бѣлымъ прощаются...
 Разомъ сердце богатырское
 Разыгралось-разгорѣлось...
 Сталъ Илья на бой готовится,
 Рушитъ онъ завѣты крѣпкіе,

Въ темный лѣсъ погналъ жеребчика,
 Вырывалъ онъ дубъ кряжовистый,
 Дубъ съ кореньями, съ камнями,
 А и сталъ онъ имъ помахиывать
 Да по силушкѣ погуливать!
 Гдѣ вернетъ — ложатся улицы,
 Поворотитъ — переулочки,
 И доходитъ до царевичей.
 — Охъ вы, гой, есте, царевичи,
 Снять-ли съ васъ мнѣ буйны головы
 Или въ полонъ взять живымъ-живьемъ!
 Нѣтъ, ступайте по своимъ мѣстамъ,
 Разнесите людямъ славушку,
 Что святая Русь великая
 Не пуста стоитъ пустехонька,
 Что на нѣй исконно водятся
 Силы сильныя, могучія!
 Отворяли Илья Муромцу
 Ворота во градъ Черниговцы, —
 Поднесли дары великіе:
 — Охъ, ты гой, великій молодецъ,
 Ты бери серебро и золото,
 Ты бери зерно бурмишко...
 И живи у насъ, въ Черниговѣ,
 Самовластнымъ воеводою...
 Будемъ мы тебя поить — кормить,
 Хлѣбомъ солью кормить до сыта,
 А виномъ поить до поль-пьяна,

III.

Соловей-разбойникъ.

Закипѣло сердце Муромца,
Въ немъ проснулась богатырская
Сила-удаль, Богомъ даная!
Бьетъ коня онъ по крутымъ бокамъ.
Конь ретивый осержается,
Прочь съ дороги поднимается,

Съ горки скачетъ онъ на горушку,
 А межъ ногъ мелькаютъ рѣченки,
 Да озера многоводныя.
 Птицей быстрой перелетною,
 Сизокрылымъ яснымъ соколомъ
 Отъ Чернигова Великаго
 Отъ побоища кроваваго
 Въ три усюка богатырскіе
 Прибѣжалъ онъ къ грязи Черныя,
 Къ той ли грязи неизвѣданной,
 Къ той березѣ ко поклянныя,
 Ко кресту-ли къ Леванидову,
 Къ славной рѣчкѣ ко Смородинкѣ.
 И наѣхалъ Илья Муромецъ
 На Соловушку-Разбойничка.
 А сидитъ то онъ въ засадушкѣ
 На семи дубахъ кряжовистыхъ,
 Поджидаетъ добра молодца.
 Какъ слышалъ тотъ разбойничекъ
 Ужъ не топу-ли конинаго,
 Не поѣздки-ль богатырскія,
 Засвисталъ по соловьиному,
 Шипъ пустилъ онъ по змѣиному,
 А какъ рывкнулъ по звѣриному,
 Съ горъ сползли пески сыпучіе,
 Воды въ рѣчкѣ помутилися,
 Лѣсъ и рощи приклонилися,
 Палъ жеребчикъ на колѣночки.
 Говоритъ Илья Ивановичъ:
 — Ахъ ты, волчья сыть не сытая,
 Травяной мѣшокъ не складенный...
 Не бывалъ ты, конь, въ темномъ лѣсу,
 Не слыхалъ-ли на своемъ вѣку
 Соловьиного ты посвисту,
 Шипу грознаго змѣинаго,
 Крику-покрику звѣринаго,
 Что звѣринаго, туринаго?
 Сталъ Илья на бой готовиться,

Рушилъ онъ завѣты крѣпкіе,
 Становилъ коня могучаго,
 Лукъ разрывчатый отстегивалъ
 Отъ булатнаго, отъ стремечка.
 Накладалъ стрѣлу каленую,
 Тетиву тянулъ шелковую;
 А самъ стрѣлкѣ приговаривалъ:
 — Ты лети, стрѣла, не въ темный лѣсъ,
 Ты лети не въ поле чистое,
 Не пади на землю, на воду,
 А пади ты въ глазъ Разбойничку.

И не пала стрѣлка быстрая
 Не на землю и не на воду,
 Пала стрѣлка въ глазъ Разбойника...
 Полетѣлъ тутъ съ дуба стараго
 Комомъ на землю Разбойничекъ.
 Подхватилъ Илья Ивановичъ
 Соловья на бѣлы рученьки,
 Пристегнулъ его ко стремени,
 Къ стремю правому булатному.
 Онъ поѣхалъ въ поле чистое,
 Во широкое раздольице,
 Мимо дома Соловьиного...
 А ужъ домъ тотъ на семи верстахъ,
 А кругомъ его желѣзный тынъ,

На тынинахъ-то по маковкѣ,
 По удалой по головушкѣ.
 Видятъ дѣти Соловьиные,
 Черезъ окошко черезъ косявчато,
 Говорятъ слова веселія:
 — Ой-ли, свѣтъ ты, наша матушка,
 Чистымъ полемъ ѣдетъ батюшка,
 И везетъ у права стремени
 Мужичищу-деревенщину.
 Тутъ идетъ жена Разбойника,
 Смотритъ въ поле черезъ окошечко,
 Говоритъ родимымъ дѣтушкамъ:
 — Ыдетъ къ намъ по полю чистому
 Мужичища-деревенщина
 И везетъ у права стремечка
 Государя свѣтла, батюшку.
 Вы идите, добры дѣтушки,
 Во подвалы, во глубокіе,
 Золотымъ ключемъ червоннымъ
 Отпирайте ларцы кованы,
 Отберите всѣ сокровища,
 Приглашайте Святорусскаго
 Добра молодца удалаго
 Во гнѣздо-ли въ Соловьиное.
 Угощайте яствой сахарной,
 Пойте брагою медвяною,
 Одаряйте златомъ—серебромъ...

Пристегнулъ его ко стремени,
къ стремю правому, булатному. (См. стр. 24)

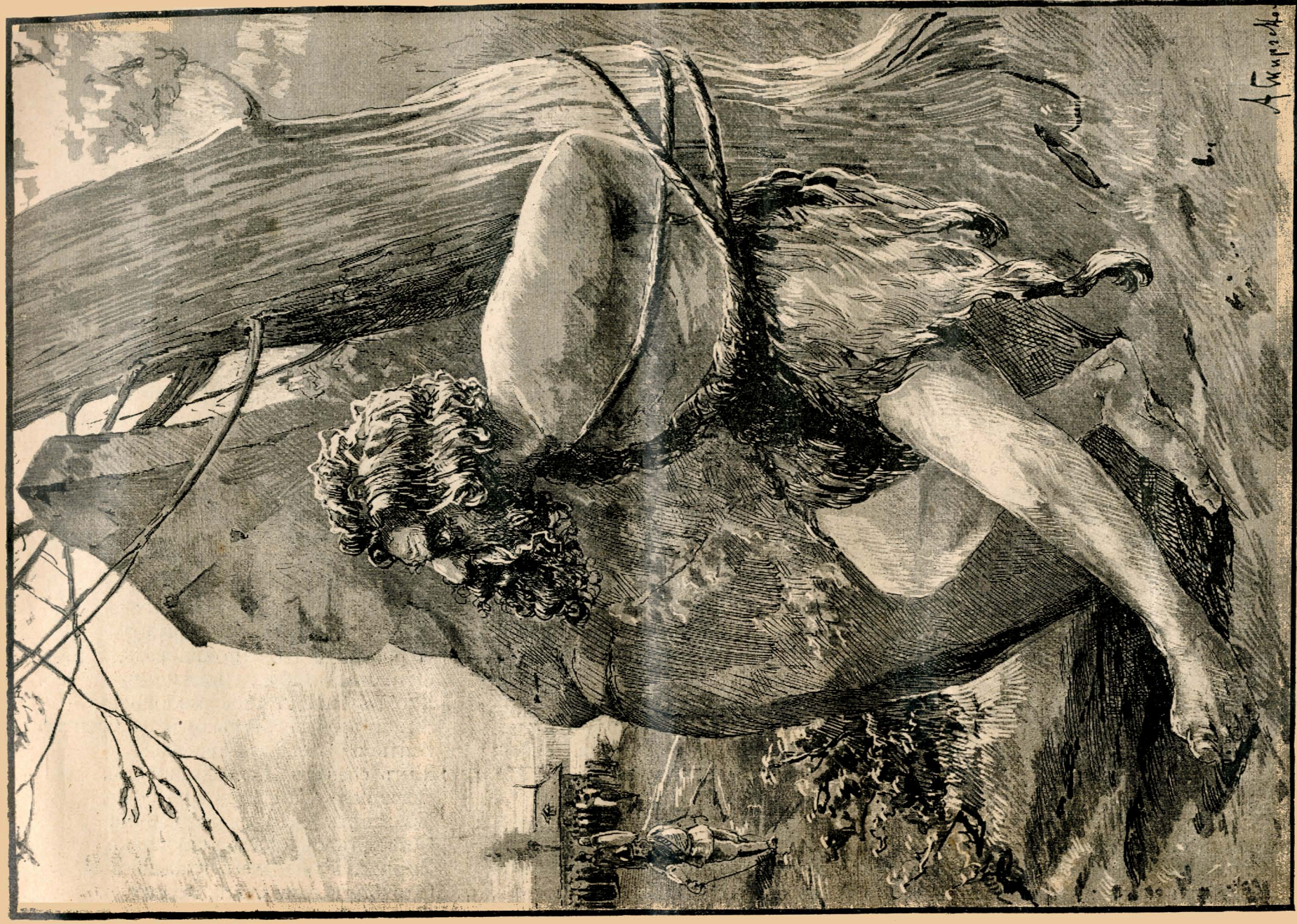
Тутъ-то всѣ ужъ девять дѣтушекъ
 Закорились, заартачились,
 Не берутъ ключа червленого,
 Не идутъ въ подвалы глыбкіе,
 Золотой казны не трогаютъ,
 А худыя думы думаютъ:
 Въ черныхъ вороновъ задумали
 Обернуться добры молодцы —
 Со носами, со желѣзными —
 Расклевать хотятъ до косточки
 Илью Муромца, Иваныча!
 Да жена-ли Соловьиная
 Къ Ильѣ Муромцу тутъ бросилась,
 Проситъ, молитъ, убивается:
 — Охъ ты гой, удалый молодець,
 Бери денегъ сколько надобно,
 Отпусти домой Разбойничка,
 Не вези его во Кіевъ градъ.
 Закипѣло сердце Муромца,
 Бьетъ коня онъ по крутымъ бокамъ.
 Конь могучій осержается,
 Прочь съ дороги поднимается,
 Мчится вьется яснымъ соколомъ,
 Прямо къ городу ко Кіеву,
 На широкій дворъ на княжескій..
 Становилъ Илья жеребчика,
 Посередь двора широкаго,
 Привязалъ къ столбу разбойника
 Крѣпко-на-крѣпко веревкою,
 Чтобъ не сгинулъ Соловеюшко,
 Не сбѣжалъ бы къ своимъ дѣтушкамъ,
 Не засѣлъ бы вновь въ засадушку,
 Не заставилъ бы дороженьку,
 Ту дорогу прямоѣзжую
 Отъ великаго Чернигова
 Къ Солнцу Красному Владиміру...
 А ужъ самъ то подбаченившись,
 Шелъ въ палату грановитую,

Помолился предъ иконою⁷
 Спаса вѣчнаго съ Пречистою,
 Поклонился князю свѣтлому,
 Поклонился онъ княгинюшкѣ
 Да на всѣ четыре стороны.
 А у князя у Владиміра
 Шелъ почестный пиръ съ дружиною,
 Со князьями, со боярами,
 Съ богатырской славной братіей.

Были тамъ Чурило Пленковичъ,
 Славный гость съ Сороги-рѣченьки,
 Да Добрынюшка Никитьевичъ
 Со Настасьєю Никулишною;
 Былъ Поповичъ тамъ Алешенька,
 Да Самсонъ ли Колывановичъ,
 Соловей ли Будиміровичъ,
 Святогоръ, Полканъ, Хопилы,
 Да семь братьевъ Збородовичей...
 Обходила чара звонкая,
 Угощала гостя каждого
 Не простымъ виномъ, а пѣнистымъ,
 Царства дальняго заморскаго.
 Обносили гостя каждого
 Каждый разъ иными яствами;
 Пили — бѣли гости милые,
 Князю низко — низко кланялись,
 А княгинюшкѣ особливо...

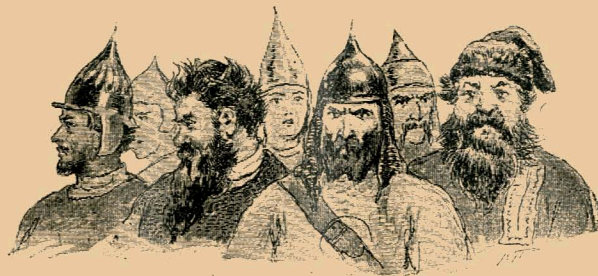
А народъ кругомъ собирается,
 Рѣчи слушаетъ веселія,
 Славитъ князя со княгинею,
 И его дружину храбую...
 И прославивъ тихо слушаетъ
 Ту ли былъ баяна вѣщаго
 Про поѣздки богатырскія
 Въ поле чистое, далекое,
 Да про схватки молодецкія
 Съ удалцами иноземными...
 Пиръ идетъ горой до вечера,
 И отъ вечера до утречка.
 Какъ вошелъ Илья Ивановичъ —
 Такъ всѣ гости оглянулись
 Гостю новому дивуются,
 Какъ попалъ онъ на весельице...
 Отозвался Стольно-Кіевскій
 Князь Владиміръ ясно Солнышко,
 Приглашалъ за столъ заѣзжаго,
 Приглашалъ испить съ дружиною,
 Отдохнуть съ пути — дороженьки.
 Отозвалась и княгинюшка,
 Тоже низко поклонилась,
 Приглашала за дубовый столъ
 Раздѣлить бесѣду шумную,
 Да испить вина заморскаго,
 Да отвѣдать яства разныя.
 Увидавши гостя новаго
 Поднесли Ильѣ Иванычу —
 Поднесли вина заморскаго
 Что заморскаго, зеленаго
 Въ полтора ведра съ осьминою.
 Бралъ Илья рукой единою
 Чару зеля заморскаго,
 Выпивалъ ее въ единый духъ.
 Сталъ Владиміръ князь тутъ спрашивать.
 — Ты откуда, добрый молодець,
 Какъ назвать тебя по имени,

Привязалъ къ столбу разбойника
Крѣпко на крѣпко веревкою. (См. стр. 26)

Возвеличить по отчеству!
 Можно мѣсто дать по имени,
 А по отчеству пожаловать...
 Говоритъ Илья Владиміру:
 — Я изъ города, изъ Мурома,
 Изъ деревни Карачаровой,
 А зовутъ меня отъ раннихъ лѣтъ
 Ильей Муромцемъ, Иванычемъ.
 Дома я стоялъ заутреню.
 А сюда поспѣлъ къ обѣденкѣ.
 Да замѣшался дороженькой:
 Ъхалъ я путемъ-дорогою
 Мимо славнаго Чернигова,
 Черезъ рѣчку чрезъ Смородинку.
 Говоритъ дружина славная:
 — Ахъ ты солнышко, Владиміръ князь!
 Вѣдь дѣтина завирается:
 Вѣдь подъ городомъ Черниговымъ
 Стоитъ силушка невѣрная,
 А у рѣчки у Смородинки
 Одихмантьевъ сынъ, злодѣюшка,
 Соловей засѣлъ Разбойничекъ.
 Отъ того-ли отъ Разбойника
 Залегла дорога тридцать лѣтъ.
 Говоритъ Илья Владиміру:
 — Гой, Владиміръ стольнокіевскій!
 На твоємъ дворѣ Разбойничекъ,
 А привязанъ онъ у столбика
 Крѣпко на крѣпко веревкою.
 Тутъ вставалъ Владиміръ кіевскій
 Что на рѣзвья на ноженьки,
 На плечо накинулъ шубеньку,
 Шубку мѣха соболинаго,
 На ушко надвинулъ шапочку.
 Онъ на дворъ пошелъ скорешенько
 Подходилъ онъ ко Разбойнику,
 А за нимъ князя съ боярами,
 Всѣ богатыри могучіе:

Что Самсонъ-ли Колывановичъ,
 Да Суханъ еще Домонтьевичъ,
 Святогоръ, Полканъ, Хопилоры,
 Да семь братіевъ Збродовичей.

Говорилъ Владиміръ Муромцу:
 — Прикажи-ка ты Разбойнику
 Свистъ пустить по соловьиному,
 Да воскрикнуть по звѣриному.
 Говорилъ Илья Разбойнику:
 — Засвищи-ка, Соловеюшко,
 Въ полусвиста соловьиного.
 Закричи-ка по звѣриному
 Только въ полкрика звѣринаго!
 Какъ засвищетъ Соловеюшко
 Въ полусвиста соловьиного,
 Да какъ крикнетъ по звѣриному
 Только въ полкрика звѣринаго —
 Воды въ рѣчкѣ помутилися,
 Лѣсъ и роши приклонилися,
 Терема вокругъ скривилися,
 Околеньки поразсыпалися.
 Князь съ дружиной испужалися,
 На карачкахъ порасползалися,
 Или на земь всѣ попадали.
 А Владиміръ едва живъ стоитъ
 Со княгиней со Евпраксіей.
 Говоритъ онъ Ильѣ Муромцу:
 — Охъ ты, гой, Илья Ивановичъ,

Святогорскій богатырище!
 Ты скорѣй уйми Разбойника,
 Эта шутка намъ не надобна, —
 Напугалъ насъ Соловеюшко —
 Богатырскимъ сильнымъ посвистомъ!
 Ухмылялся Илья Муромецъ,
 Приказалъ молчать разбойнику,
 Отвязалъ его отъ столбика,
 Привязалъ его ко стремени.
 Съѣлъ Илья тутъ на жеребчика,
 Ъхалъ онъ во чисто полюшко,
 Въ то ли полюшко далекое
 За Днѣпромъ рѣкой широкою,
 Тутъ взмолился Соловеюшко,
 Говоритъ Ильѣ онъ Муромцу:
 — Отпусти меня на волюшку,
 Отпусти къ родимымъ дѣтушкамъ.
 Ждутъ — пождутъ они разбойника,
 Проглядѣли очи ясныя
 Изъ окна во поле гляючи...
 Отпусти меня на волюшку...
 Ждетъ — пождетъ жена хозяина,
 Очи ясныя исплакала,
 Съ поля мужа ожидаючи...
 Говоритъ Илья Ивановичъ:
 — На тебѣ ли, на разбойникѣ,
 Много есть грѣха проклятаго!
 И простить тебя, помиловать,
 Отпустить тебя на волюшку
 Что въ гнѣздо твое разбойничье,
 Значитъ — тѣмъ грѣхомъ испортиться,
 Взять себѣ его на душеньку.
 Такъ сказалъ Илья Ивановичъ,
 Разрушалъ завѣты крѣпкіе,
 Тѣ завѣты отца съ матушкой,
 Отвязалъ съ сѣдла разбойника,
 Вынималъ онъ мечъ кладенистый
 Отрубилъ онъ буйну голову

Съ карт. проф. Верещагина.

Бралъ Илья рукой единою
Чару зеля заморскаго. (См. стр. 26)

У Соловухи-Разбойника,
А рубилъ, да приговаривалъ:
— Не слези отцовъ и матушекъ,
Не вдови ты женъ безпомощныхъ,

Не пускай въ сиротство дѣтушекъ!
Тутъ пришелъ конецъ Разбойнику,
Тутъ Разбойнику и славу пѣть!
А съ тѣхъ поръ тотъ путь отъ Кіева

Да великаго Чернигова
Черезъ грязи черезъ черныя
Сталъ дорогой прямоѣзжею
И открытой и свободною!

IV.

Застава богатырская.

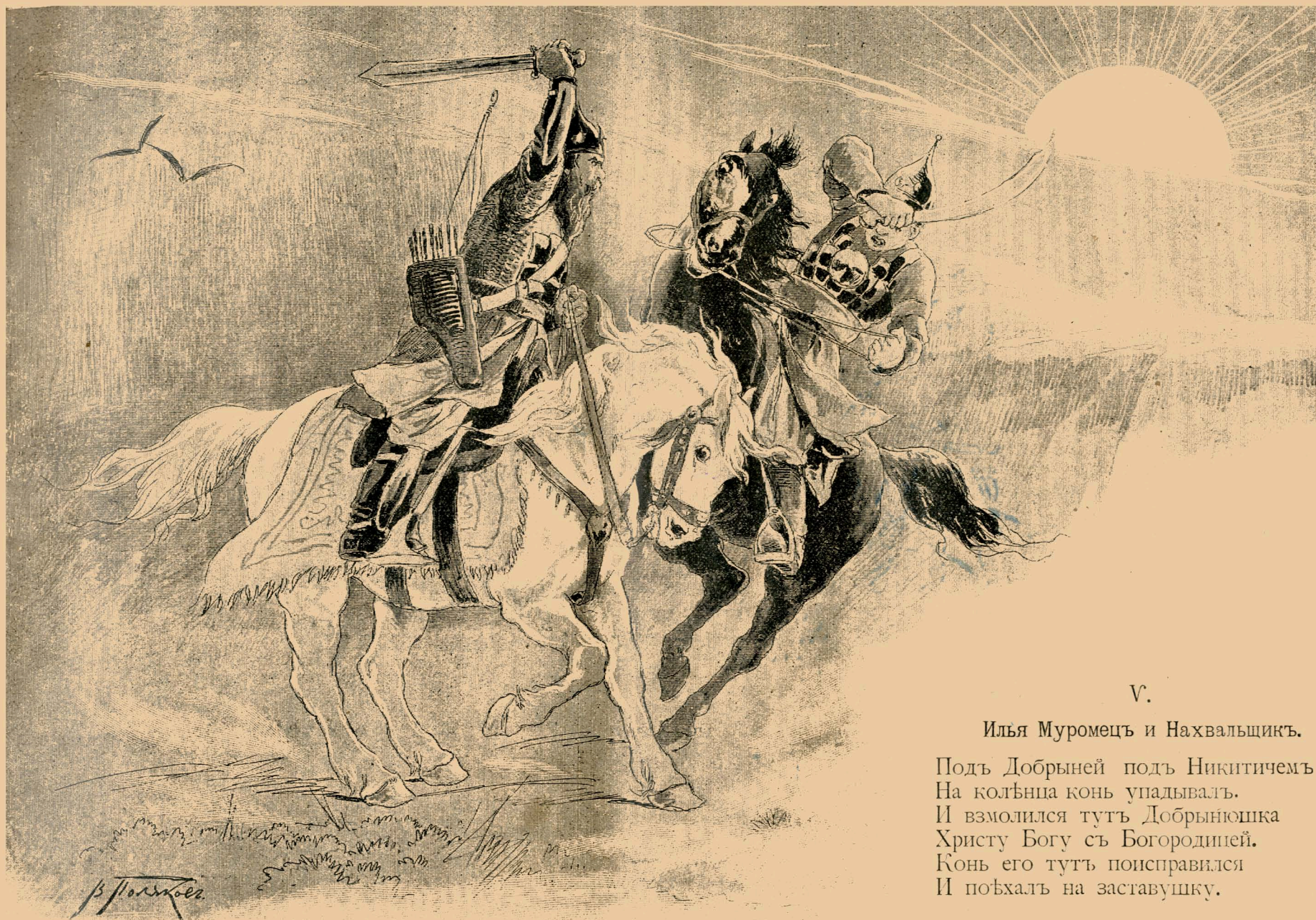
Какъ подъ славнымъ градомъ
Кіевомъ,
На степяхъ-ли на цыгарскіихъ,
Да стояла сила сильная,
Что застава богатырская.
А въ заставѣ атаманомъ былъ
Илья Муромецъ, Ивановичъ,
А помощничкомъ Добрынюшка,
Есауломъ былъ поповскій сынъ,
Тотъ Алеша, славный молодецъ.

Былъ еще у нихъ боярскій сынъ
Гриша кравчій на заставушкѣ,
Да Васютка, полы долгія...
Былъ Алеша въ славномъ Кіевѣ,
А Илья-то въ чистомъ полюшкѣ
Отдыхалъ въ шатрѣ на лавочкѣ.
А Добрыня ѣздилъ на море
За охотой молодецкою,
Пострѣлять гусей, да лебедей...
А какъ ѣхалъ онъ на морюшко,
Встрѣтилъ ископытъ великую,
Да и сталъ ее досматривать.
Увидалъ онъ добра молодца
Изъ жидовскія сторонушки,
Жидовина Жидовиныча.
Какъ пошелъ Добрыня въ Кіевъ-градъ,
Напустился на товарищей.
— Охъ вы, гой еси, ребятаушки,
Проглядѣли мы заставушку!
Богатырь чрезъ ту заставушку
Переѣхалъ въ степь ццарскую!
Собирались добры молодцы,
Думу крѣпкую задумали,
Кому ѣхать на нахвальщика...
Положили на Василя.
Говоритъ Илья тутъ Муромецъ:
— Плохо вздумали, ребятаушки,
У Васютки — полы долгія,
Ходитъ Васька, заплетается,
Заплетется въ битвѣ ежели,
Такъ погибнетъ понапрасному!

Положили на Григорія,
Гришкѣ ѣхать за нахвальщикомъ...
Говоритъ Илья тутъ Муромецъ,
Богатырь-ли сынъ Ивановичъ:
— Нѣтъ, не ладно вы удумали!
Гришка племени боярскаго,
А то племя вишь хвастливое,
Онъ на битвѣ призахвастаетъ
И погибнетъ понапрасному.
Положили тутъ ребятаушки
На Алешу на Поповича
Ѣхать въ поле за нахвальщикомъ.
Говоритъ Илья тутъ Муромецъ,
Богатырь-ли свѣтъ Ивановичъ:
— Плохо вздумали, ребятаушки!
Какъ увидитъ добрый молодецъ
На пріѣзжемъ на нахвальщикѣ
Много золота, да серебра,
Разомъ злату позавидуетъ
И погибнетъ понапрасному.
Положили тутъ, ребятаушки,
На Добрыню на Никитича
Ѣхать въ поле за нахвальщикомъ,
Въ чистомъ полѣ настигать его,
Отрубить-ли буйну голову,
Привозить-ли на заставушку.
Добрый молодецъ, Добрынюшка,
Отъ того не отпирается,
А идетъ онъ на конюшій дворъ,
Да беретъ коня буланнаго,
Зануздалъ узду тесьменную,

Осѣдлалъ сѣдло черкасское,
Взялъ булавушку булатную,
Вѣсомъ въ сто пудовъ безъ малаго,
Опоясалъ саблю вострую,
Въ руки плеть беретъ шелковую,
Ѣдетъ на гору высокую,
Что на гору Сорочинскую,
Изъ трубы глядитъ серебрянной,
Видитъ въ полѣ черно пятнышко
И поѣхалъ на чернизину.
Видитъ тамъ онъ добра молодца.
Таки шуточки онъ дѣлаетъ:
Булаву бросалъ онъ въ облако,
Саблю острую выметывалъ:
Принималъ одною рученькой
Ту булаву стопудовую,
А другою саблю вострую,
Ажъ подъ нимъ земля колышется.
Крикнулъ тутъ ему Добрынюшка,
Крикнулъ зычнымъ, звонкимъ голосомъ
— Воръ, собака, самохвальщина!
А зачѣмъ ты къ намъ заѣзживалъ
Черезъ русскую заставушку,
Ильѣ Муромцу не билъ челомъ,
И не билъ челомъ Добрынюшкѣ,
И не клалъ казны Поповичу,
На всю братію наборную!
Услыхалъ его нахвальщина,
Повернулъ коня къ Никитичу.
Всколебалась мать сыра земля,
Изъ озеръ вода повылилась.

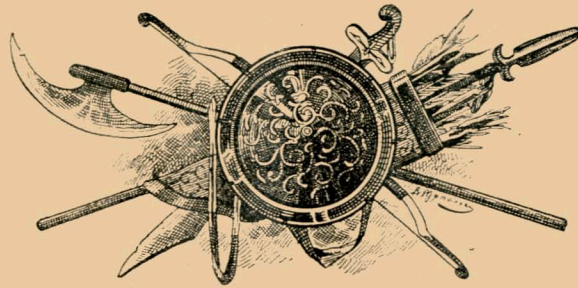
V.

Илья Муромецъ и Нахвальщикъ.

Подъ Добрыней подъ Никитичемъ
На колѣнцѣ конь упавалъ.
И взмолился тутъ Добрынюшка
Христу Богу съ Богородицей.
Конь его тутъ поисправился
И поѣхалъ на заставушку.

А на встрѣчу Илья Муромецъ
 Со всей братіей наборною.
 Говоритъ Добрыня брати:
 — Какъ поѣхаль я съ заставушки,
 Ёхаль на гору Высокую,
 Что на гору Сорочинскую,
 Изъ трубы глядѣль серебряной,
 Видѣль въ полѣ черно пятнышко
 И поѣхаль на чернизину.
 Встрѣтилъ тамъ я добра молодца,
 Таки шутки онъ выдѣлываль,
 Булаву бросаль онъ въ облако,
 Саблю острую выметываль,
 Принималь одною рученькой
 Ту булаву стопудовую,
 А другою саблю вострую.
 Закричалъ я зычнымъ голосомъ:
 — Воръ, собака, самохвальщина!
 А зачѣмъ ты къ намъ заѣзживаль,
 Черезъ заставу черезъ русскую,
 Ильѣ Муромцу не билъ челомъ,
 И не билъ челомъ Добрынюшкѣ,
 И не клалъ казны Поповичу,
 На всю братію наборную!
 Услыхаль меня нахвальщина,
 На меня коня повертываль,
 Всколебалась мать сыра земля,
 Изъ озеръ вода повыилась!
 На колѣнѣ конь упадываль.
 Тутъ взмолился я ко Господу:
 — Унеси меня Ты, Господи,
 Отъ злодѣя, отъ нахвальщика.
 Подо мной тутъ конь исправился,
 Уѣзжалъ я отъ нахвальщика,
 И пріѣхаль на заставушку.
 Говоритъ Илья тутъ молодецъ:
 — Больше некому выѣзживать,
 Видно ёхать Ильѣ Муромцу.

Какъ пошелъ Илья, свѣтъ Муромецъ,
 На конюшій дворъ на княжескій,
 Да беретъ коня буланнаго;
 Зауздаль въ узду тесмяную,
 Осѣдлаль въ сѣдло черкасское,
 Въ торока вязаль онъ палицу

Боевую, стопудовую!
 Опоясаль саблю вострую,
 Въ руку плетку взялъ шелковую
 И поѣхаль онъ на горушку,
 Ужъ на ту-ли Сорочинскую.
 Посмотрѣль въ кулакъ, повысмотрѣль,
 Увидаль онъ черно пятнышко
 И поѣхаль на чернизину.
 Тамъ увидѣль добра молодца,
 А ужъ тотъ-ли добрый молодецъ
 Таки шуточки вышучиваль:
 Булаву бросаль онъ въ облако,
 Саблю вострую выметываль,
 Принималь одною рученькой
 Ту булаву стопудовую,
 А другою саблю вострую!
 Крикнулъ тутъ Илья нахвальщику:
 — Воръ, собака, самохвальщина!
 А зачѣмъ ты къ намъ заѣзживаль,
 Черезъ русскую заставушку?
 Ильѣ Муромцу не билъ челомъ,

И не билъ челомъ Добрынюшкѣ,
 И не клалъ казны Поповичу,
 На всю братію наборную.
 Услыхаль его нахвальщина,
 На Илью коня сворачиваль...
 Сшиблись тутъ враги исконные.
 Какъ впервой они ударились,
 Копья длинные погнулися,
 А другъ друженьку не ранили.
 Сшиблись саблями булатными,
 Сабли острия — зазубрились,
 А другъ друженьку не ранили.
 Тутъ схватились въ рукопашную,
 Бились день они до вечера,
 Бились-дрались до полуночи,
 Отъ полуночи до солнышка.
 Какъ махнетъ Илья, свѣтъ Муромецъ,
 Ручкой правою, отмашистой,
 Поскользнулся ножкой лѣвою
 И упаль на землю матушку.
 На него насѣлъ нахвальщина,
 Вынимаетъ онъ кинжалнице,
 Хочетъ рѣзать груди бѣлыя,
 Отуманить очи ясныя,
 Срѣзать буйную головушку.
 А и тутъ онъ приговариваль:
 — Не тебѣ-бы, старцу старому,
 Въ поле чистое выѣзживать —
 Или не кѣмъ замѣнитися?
 Ты-бъ себѣ келейку выстроиль,
 При пути-ли, при дороженькѣ,
 Собираь-бы Божьи милости,
 Былъ-бы сытъ ты въ ней, старинушка!
 Подъ нахвальщикомъ Илья лежитъ,
 Говоритъ Илья такую рѣчь:
 — Да не такъ въ писаньи писано,
 У Апостоловъ удумано,
 А написано въ писанин:

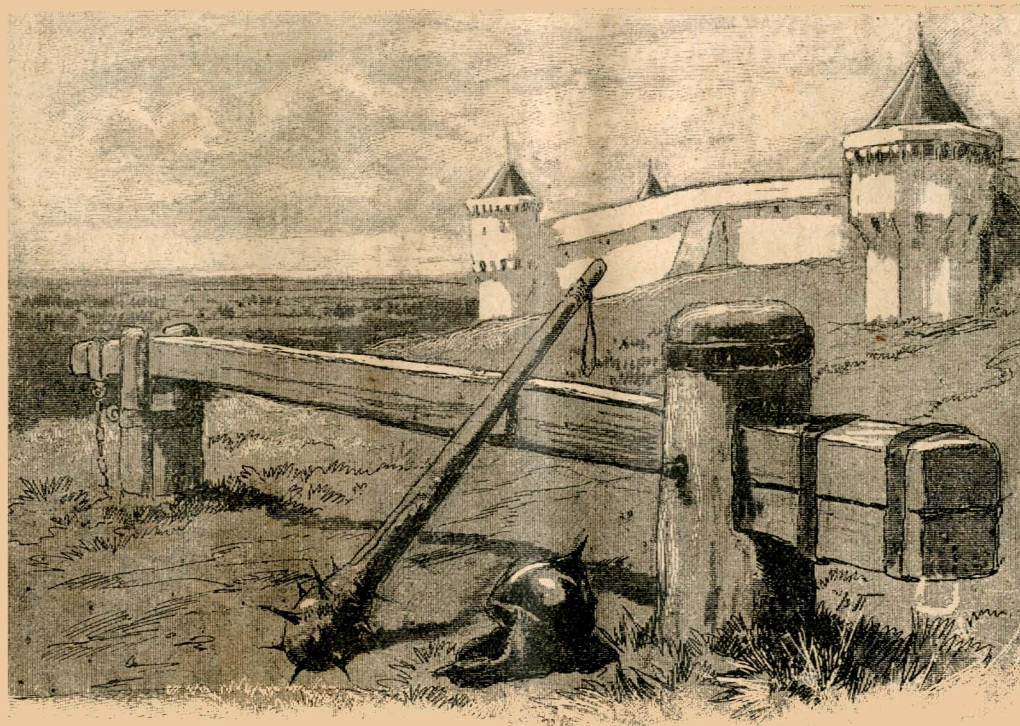

Вышибалъ его онъ рученькой
Выше дерева стоячаго. (См стр. 36)

Въ чистомъ полюшкѣ, въ раздольицѣ,
Не бывать Ильѣ убитому...
У Ильи тутъ силы, лежучи,
Втрое, вчетверо прибавилось.
Какъ махнетъ врага онъ въ бѣлу грудь,
Вышибалъ его онъ рученькой
Выше дерева стоячаго.
Какъ упалъ на земь нахвальщина,

Такъ ушелъ по поясъ въ матушку.
Тутъ Илья на рѣзвы ноженьки
Привскочилъ, пошелъ къ нахвальщику.
Недосугъ Ильѣ разспрашивать:
Распоролъ онъ груди бѣлья,
Отуманилъ очи ясныя,
По плечъ срѣзалъ буйну голову,
На копье воткнулъ булатное

И поѣхалъ на заставушку.
Тамъ встрѣчали Илью Муромца
Славный молодецъ, Добрынюшка,
Со всей братіей наборною.
На земь бросилъ Илья голову,
Передъ братьей похваляется...
— Тридцать лѣтъ я въ полѣ ѣздивалъ.
А такихъ чудесъ не видывать!

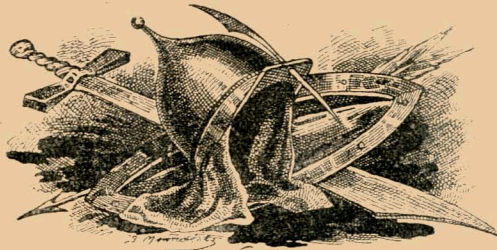

VI.

Чудо-Идолище.

Въ стольномъ городѣ во Кіевѣ,
У того-ли князь — Владиміра
Чудо-чудное явилось.
Какъ наѣхало ко городу
Чудо-Идолище страшное,
Съ ратью сильною великою,
Въ долину-то онъ шести саженьъ,
Въ ширину-то онъ три сажени,

Межь ушами сажень съ локотью,
 Межь ноздрями хоть стрѣлу клади.
 Обложили онъ силу сильную
 Вокругъ Кіева на двадцать верстъ.
 Не случилось у Владиміра
 Въ это времячко молодчиковъ,
 Въ чисто поле все ѹѣхали.
 Убоялся Стольнокиевскій,
 Князь Владиміръ Ярославовичъ,
 Выходилъ-то онъ изъ Кіева
 Съ золоченными подарками,
 Низко кланялся татарину.
 Созывалъ онъ пированьице
 Да великое гостебниче
 Въ терема свои высокіе.
 Приходилъ тутъ ко Владиміру
 Чудо-Идолище страшное.

Онъ сидитъ да прохлаждается,
 Да надъ княземъ похваляется.
 — Я де Кіевъ градъ въ полонъ возьму.
 Церкви Божіи на дымъ спущу,
 А бояръ князей повырублю...
 По латинской по дороженькѣ
 Шла калика перехожая,
 Перехожая, бродячая
 По прозванію Иванище.
 А идетъ то онъ не мается,
 Въ лѣтній день по солнцу красному

А зимой, порой студеною —
 Такъ по камню самоцвѣтному,
 На немъ гуня сорочинская,
 На немъ шляпа земли греческой.
 На немъ лапти изъ семи шелковъ
 Въ перемежку съ изумрудами.
 Онъ несетъ въ рукахъ дубинушку
 Въсомъ во сто пудъ съ излишкою,
 Онъ идетъ да подтирается,
 Инда мать-земля шатается.
 Онъ идетъ по чисту полюшку
 А на встрѣчу Илья Муромецъ.
 — Ой, калика ты, Иванище!
 Ты куда идешь, каличище,
 Отколь держишь путь-дороженьку?
 — Я иду изъ града славнаго,
 Помолился Богу Господу,
 Искушался въ Іордань-рѣкѣ
 И ко граду ко Господнему
 Приложиться уподобился.
 Говоритъ ему тутъ Муромецъ:
 — Ты давно-ли былъ во Кіевѣ,
 Давно-ль видѣлъ князь-Владиміра,
 Со княгинюшкой Евпраксіей?
 Все-ли тамъ идетъ по старому,
 Какъ по старому по прежнему?
 Говоритъ ему Иванище:
 — Охъ же гой, Илья ты, Муромецъ,
 Я недавно былъ въ Святой Руси,
 Видѣлъ тамъ я князь-Владиміра
 Со княгинюшкой Евпраксіей.
 Съ ними горе приключилося!
 Какъ наѣхалъ къ стольну городу
 Чудо-Идолище страшное
 Со погаными татарами.
 А сидитъ-то онъ — поганище
 Между княземъ и княгинюшкой,
 Не даетъ имъ думать думушку

Говоритъ Илья тутъ Муромецъ:
 — Охъ же, сильный ты Иванище,
 Ты силенъ, а нѣтъ смегалочки:
 Скидавай свое ты платьице,
 Дай мнѣ гуню сорочинскую,
 Дай мнѣ лапотки шелковые,
 Да клюку твою на времячко...

И подумалъ тутъ Иванище:
 — Коль не дать — возьметъ онъ силою,
 Снялъ онъ гуню сорочинскую,
 Снялъ онъ лапотки шелковыя,
 Да подсумки рыжа бархата,
 Взялъ онъ платье богатырское.
 Не даетъ одно Иванище,
 Не даетъ Илья дубинушки.
 Закипѣлъ Илья тутъ молодець.
 — Охъ же, сильный ты Иванище,
 Вступимъ въ битву рукопашную!
 Смерть въ бою мнѣ не написана,
 Отниму твою дубинушку!
 Разсердился тутъ Иванище,
 Кинулъ онъ клюку подъ облако
 И пошелъ путемъ дороженькой.
 Бралъ Илья его дубинушку
 И пошелъ ко граду Кіеву.
 Крикнулъ тамъ онъ зычнымъ голосомъ
 — Володиміръ, Стольнокиевскій,

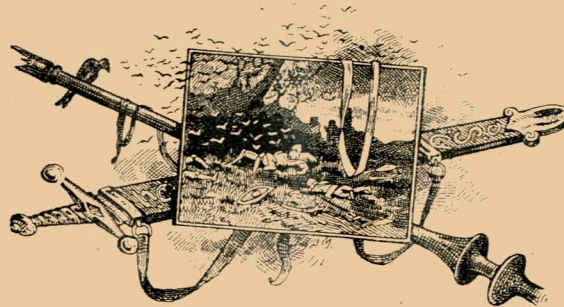

Онъ несетъ въ рукахъ дубинушку
Вѣсомъ во сто пудъ съ излишкою. (См. стр. 38)

Ф.К.

Володимірь, Красно Солнышко,
 Принимай калику бѣднаго,
 Накорми его ты до сыта,
 Напой его ты до пьяна.
 Отъ того-ли зычна голоса
 Зашатались вышки терема,
 А оконницы потрескались.
 Тутъ татаринъ къ окну бросился.
 — Ай же вы, горланы рускіе!
 Вы чего тутъ шумъ затѣяли.
 Ты жъ, калика, ступай въ горницу?
 Какъ пришелъ калика въ горницу,
 Сотворилъ онъ крестно знаменье,
 Поклонился по ученому
 Князю солнышку съ княгинею,
 А татарину не кланялся.
 Говоритъ ему Идолище:
 — Ай же ты, калика русская,
 Ты калика перехожая!
 Ты скажи мнѣ, не утай себя?
 Какой есть у васъ въ святой Руси
 Атаманъ-ли Илья Муромецъ?
 И великъ-ли собой ростомъ онъ,
 Говоритъ ему тутъ Муромецъ.
 — Съ нимъ мы братья крестовья,
 Какъ и я собой онъ выглядить.
 Говоритъ ему Идолище:
 — А помногу ль хлѣба кушаетъ,
 Много ль пьетъ онъ зелена вина?
 Говоритъ Илья татарину:
 — Хлѣба ѣсть по три калачика,
 Пьетъ вина онъ по три рюмочки.
 Говоритъ ему Идолище:
 — Экой вишь-то богатырь Илья!
 Я то, Идолище страшное,
 Я кладу по хлѣбу за щеку,
 Бѣлу лебедь на закусточку,
 Два ведерца на запивочку.

Говоритъ Илья татарину:
 — Какъ было у насъ у батюшки
 Большебрюхое коровище,
 Какъ поѣло да и лопнуло.
 Не взлюбилась рѣчь татарину,
 Вынулъ онъ свое кинжалыще
 И метнулъ его на Муромца
 Со всей силушки великія.
 Отошелъ Илья въ сторонушку,
 Отъ того ножа отскакивалъ,

Колпакомъ его отмахивалъ.
 Ножъ ударилъ въ дверь дубовую,
 Отъ удара дверь потрескалась.
 На кусочки разлетѣлася!
 Закипѣлъ Илья тутъ Муромецъ,
 Въ немъ проснулася богатырская
 Сила сильная, могучая!
 Снялъ онъ шляпу земли греческой,
 Шапку стараго Иванища,
 Стукнулъ ею онъ татарина
 И разсѣкъ его до пояса...
 А какъ выскочилъ на княжій дворъ
 Сталъ клюкою онъ помахивать!
 Да поганныхъ поколачивать!
 Гдѣ вернетъ—ложатся улицы,

Поворотитъ—переулочки.
 Билъ онъ стараго и малаго,
 Не давалъ онъ имъ пощадушки,
 Распотѣшилъ сердце-душеньку —
 Не оставилъ ихъ для сѣмени!
 Не прошло и часу времени,
 А отъ полчища великаго
 Даже духу не осталось,
 И очистилъ Илья Кіевъ градъ
 И избавилъ князь Владиміра
 Со княгинюшкой Евпраксіей
 Отъ полону, отъ великаго!
 Возвратился онъ къ Владиміру
 Къ пиру горькому, печальному,
 Говоритъ онъ ясну солнышку:
 — У Апостоловъ не сказано
 И въ писаніи не писано,
 Чтобы быть Ильѣ убитому...
 Затѣвай ты пиръ веселіе
 На всю землю Святорусскую!
 Нѣтъ проклятаго татарина
 И его дружины пакостной!
 Всѣ лежатъ они убитые
 Въ закоулкахъ съ переулками.
 Поднимался Стольно-Кіевскій
 Князь Владимірь Красно Солнышко,
 Одарилъ онъ Илью Муромца
 Золотой казной, одежою,
 Онъ сажалъ Ильюшу рядышкомъ
 Со княгинюшкой Евпраксіей,
 Угощалъ его изъ рученьки
 Той руки великокняжеской
 Зеленымъ виномъ заморскімъ;
 А народъ то весь на радости
 Славу пѣлъ Ильѣ Иванычу
 За его дѣянья храбрыя,
 За дѣла его великія
 Для народа православнаго!

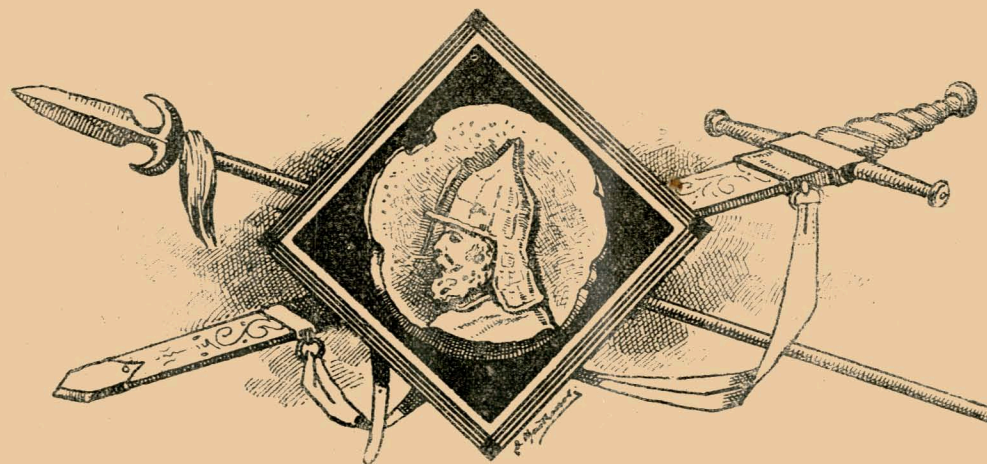

Стукнулъ ею онъ татарина
И разсѣкъ его до пояса. (См. стр. 40)

Пиръ идетъ съ утра до вечера,
А отъ вечера до утречка
Ясенъ князь Владиміръ Кіевскій
И жена его Евпраксія.

Пронеслась бѣда великая,
Уходило горе горькое,
Мѣста нѣтъ тоскѣ унынію,
Приходила радость, шумная!

А надъ Русью православною
Послѣ бури непогодушки
Восходило солнце-ясное,
Солнце свѣтлое привѣтное!

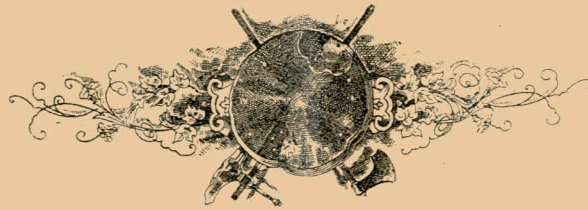

VII.

Илья Муромецъ у князя Владиміра.
Какъ во славномъ градѣ, въ Кіевѣ,
У того-ль у князь Владиміра,
Заводился пирь на вѣсель,
Да князья, бояре многіе.
Да не всѣ удалы молодцы
Были званы на почестный пирь.

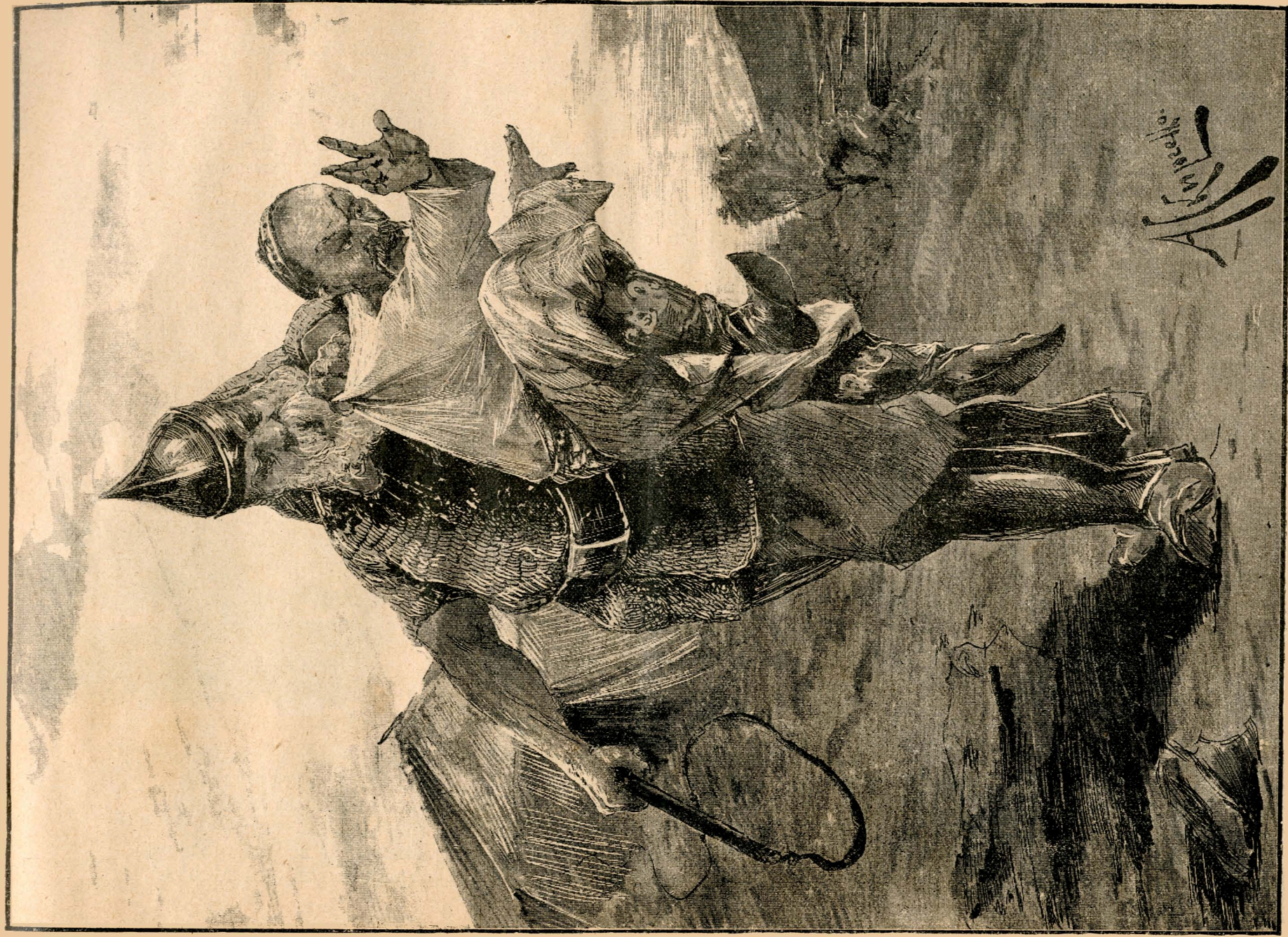
А приходитъ Илья Муромецъ
И незванный и непрошенный.
Князь Владиміръ тутъ спотѣшился,
Одного дарилъ деревнями,
А другаго пригородками,
А кого дарилъ онъ селами,
А иного со приселками.
Тутъ княгиня слово молвила:
— Охъ, ты гой еси, Владиміръ князь,
Одарилъ ты всѣхъ, ужаловаль,
Одного лишь добра молодца,
Илью Муромца, Иваныча,
Не дарилъ ты и не жаловаль.
— Охъ, княгиня неразумная,
Одарю я добра молодца,
Тѣми славными подарками,
Бусурманскими, татарскими,
Той-ли шубой соболіною!
Бралъ тутъ шубу Илья Муромецъ,
Билъ онъ ею о кирпичатъ полъ,
Самъ онъ шубѣ приговаривать:
— Мнѣ отъ Господа написано,
Такъ, какъ шубу бью я теплую,
Бить отродье бусурманское.
Тутъ бояре всѣ подмолвились:
— Охъ, ты гой еси, Владиміръ князь,
Всѣмъ любви твои подарочки,
Не слюбились только молодцу,
По прозванью Ильѣ Муромцу.
Разсердился князь Владимірко,
Разсердилось ясно солнышко,
Приказаль онъ, Стольно-Кіевскій,
Взять удала добра молодца,
По прозванью Илью Муромца,
Отвести на кручи темныя,
Въ погреба-ли тѣ глубокіе,
Да закрыть его рѣшетками,
Завалить его камнями,

Уморить тяжелымъ голодомъ.
Богатырь тутъ другъ за дружкою,
Всѣ удалы, добры молодцы
Разсердились на Владиміра,
Уѣзжали въ поле чистое,
На раздольице широкое:
— Не хотимъ мы жить во Кіевѣ,
Не хотимъ служить Владиміру!
Сдогадалася княгинюшка,
Подкопалась къ Ильѣ Муромцу,
Стала молодца прикармливать,
Стала молодца припаивать.

Уходило время быстрое,
Годъ за годомъ миновалися,
Изъ-подъ бѣлой-ли березынки,
Отъ креста, отъ Левонидова,
Выбѣгали туры быстрые,
Выбѣгали златорогіе.
А пришлось имъ мимо Кіева,
Мимо стѣнокъ перебѣгивать,
Видѣть чудо, видѣть дивное.
Они видѣли надъ Кіевомъ,
Надъ его-ль стѣной високою,
Ходить, бродить, красна дѣвица,
Держитъ книгу Левонидову.
И слезами заливаеця.
Убѣжали прочь отъ Кіева

Туры къ турицѣ возлюбленной;
Повстрѣчались, поздоровались:
— Здравствуй турица, ты матушка.
— Что вамъ, туры, малы дѣтушки?
Гдѣ вы были, гдѣ вы бѣгали?
— Шли мы мимо града Кіева,
Да видали чудо дивное.
Мы видали, какъ надъ Кіевомъ,
Надъ его стѣной високою,
Ходить, бродить красна дѣвица,
Держитъ книгу Левонидову
И слезами заливаеця.
Тутъ имъ слово молвить турица:
— Охъ, вы туры, дѣти глупыя!
Не дѣвица ходитъ красная,
Плачетъ стѣнка мать високая,
Чуетъ горюшко великое!
То не волны расходилися,
То не море всколыхалося,
Поднимался на Владиміра,
Да на славный стольный Кіевъ градъ,
Да на всю-ли Русь великую
Злой Калинъ-ли, царь Калиновичъ,
Съ силой грозною, поганою,
Сорокъ съ нимъ царей-царевичей,
Сорокъ славныхъ королевичей,
А у нихъ то силы набрано,
Было силушки заправлено
Сорокъ тысячъ съ полусотнями!
Не дошелъ Калинъ до Кіева
Семи верстъ, не то поболѣе,
У Днѣпра присталь у быстрого.
Какъ на всѣ четыре стороны,
На сто верстъ съ нимъ силъ собралося.
Отчего ты не разступишься
Мать сыра земля россейская?
А отъ пару отъ конинаго
Мѣсяцъ съ солнышкомъ померкнули,

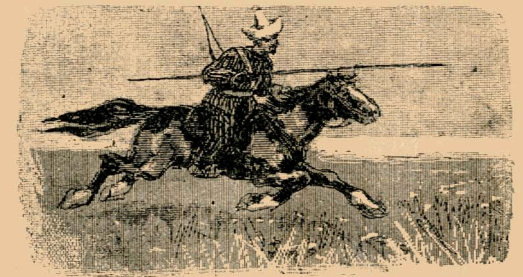

Изловил Илья Калинушку,
Отстагалъ его онъ плеткою. (См. стр. 46)

Не видать луча ихъ бѣлаго;
Какъ отъ крика человѣчьяго,
Да отъ ржанья лошадиного
Унываетъ сердце бѣдное.
А отъ духа отъ татарскаго
Трудно жить народу русскому.
Тутъ сходилъ Калинъ съ буланнаго
Жеребца-ли разномастнаго,
Да садился на ременчатъ стулъ,
Ярлыки писалъ татарскіе
Не чернилами, а золотомъ,
Къ граду стольному, ко Кіеву,
Къ свѣтлу солнышку Владимиру...
Ходитъ царь-Калинъ, собака — воръ,
По поганой силѣ-силушкѣ:
— Ой вы, слуги мои вѣрные,
Говорить-ли кто по русскому?
Подыскался злой татарище,
У того-ли у татарина
Росту мѣрушка въ три сажени,
Голова его съ пивной котель,
Промежъ плечъ сажень безъ малаго.
Знаетъ баять онъ по русскому,
Только мыслить по татарскому.
— Ой же гой, слуга ты вѣрная,
Поѣзжай ты въ Стольный Кіевъ-градъ,
На широкой дворъ Владимира,
На дворѣ оставь жеребчика,
Самъ иди ты въ теремъ каменный,
Богу русскому не кланяйся
И челомъ не бей Владимиру,
А отдай ему посланьице,
Гдѣ удумано написано,
Что возьму я Стольно Кіевъ-градъ,
Полоню къ себѣ Владимира,
Церкви Божіи на дымъ пушчу!..
Отвозилъ татаринъ вѣсточку,
Князь Владиміръ запечалился,

Ярлыки читая дерзкіе.
— Разсердилъ я добрыхъ молодецвъ,
Всѣ они то поразѣхались,
А того-ль Илью Иваныча
Отдалъ я на смерть голодную!
Говоритъ ему Евпраксія:
— Можетъ, живъ Илья то Муромецъ!
Посылай-ка ты за молодецъ!
На крыльцо идетъ князь Солнышко,
И кричитъ онъ зычнымъ голосомъ:
— Охъ вы гой же, слуги вѣрные,
Вы ступайте въ горы дальнія,
Развалите камни крѣпкіе,
Разломайте дверь желѣзную!
Исполняли слуги вѣрные
Праказаньице Владимира.
Самъ онъ съ ними и съ Евпраксіей
Въ погреба идетъ глубокіе.
Тамъ сидитъ Илья Ивановичъ,
У стола сидитъ дубоваго,
И читаетъ онъ Евангеліе.
Упадаетъ въ ноги Муромцу
Князь Владиміръ Красно-Солнышко:
— Ой же ты, Илья Ивановичъ,
Наѣзжаетъ на Святую Русь
Сила сильная татарская.
Выручай ты свято-русскую
Землю-матушку родимую!
Выходилъ на Божій свѣтъ Илья,
Надѣвалъ онъ латы крѣпкія
И садился на жеребчика.
Выѣзжалъ онъ въ чисто полюшко,
Видитъ войска онъ татарскаго,
Точно лѣсу—бору мелкаго—
Нѣтъ конца ему ни берега!
Призывалъ Илья Ивановичъ
Въ помощь батюшку крестоваго
И его двѣнадцать братицѣвъ.

На коней они садились.
Со высокихъ горъ спускались,
Нападали на нечистую
Рать великую татарскую.
Бьютъ они татаръ безъ милости.
Изловилъ Илья Калинушку,
Отстегалъ его онъ плеткою,
Плеткой крѣпкою шелковою!
Кто остался живъ, бѣгомъ бѣжалъ,
Убѣгая приговаривалъ:
— Не дай Богъ, намъ быть у Кіева,
Не дай Богъ, видаться съ русскими!
Уѣзжалъ Калинъ отъ Кіева,
Уѣзжая, приговаривалъ:
— Закажу друзьямъ и недругамъ
Бѣздить въ городъ Стольно-Кіевскій!
А Владиміръ, Красно Солнышко,
Заводилъ тутъ свой почестенъ пиръ,
Добрыхъ молодецвъ онъ жалуетъ
Городами съ пригородками
И даетъ казну несмѣтную!

Далеко, далече въ полюшкѣ,
Не бѣлы снѣга бѣлѣлись,
Не туманы затуманились,
Не былинки зашаталися,
Зашатался добрый молодецъ,
Атаманъ Ильюша Муромецъ.

У него ли у родимаго
Забѣлѣлася головушка
Съ молодецкою бородушкой.
Ѣздили онъ по полю чистому
Съ малыхъ лѣтъ до дряхлой старости
Съ нимъ и конь его косматенькій.
Трехъ саженный хвостъ у бурушки,
Грива трехъ локтей у быстрого,
На три пяди шерсть кудрявая...
Передъ рѣчкой передъ озеромъ
Перевоза онъ не спрашивалъ,
Легкимъ скокомъ перемахивалъ...
Ѣздили такъ то добрый молодецъ
Самъ себѣ въ душѣ дивуется:
— Ахъ ты старость моя старая,
Ахъ ты старость моя дряхлая,
Жизнь моя ты трехсотлѣтняя!
Въ чистомъ полѣ чернымъ ворономъ
Ты застала добра молодца;
Ахъ ты юность моя юная,
Далеко ты въ чисто полюшко
Улетѣла яснымъ соколомъ!
Подѣзжалъ онъ къ тремъ дороженькамъ.
При дорожкахъ бѣлый камушекъ,
А на камушкѣ написано:
Вправо ѣхать — быть богатому,
Влѣво ѣхать — быть женатому,
Прямо ѣхать — быть убитому.
Атаманъ тутъ пораздумался,
Пораздумался, расплакался:
— Мнѣ на что женитьба старому,
Мнѣ на что богатство ветхому.
Мнѣ женитьба не для сладости,
Мнѣ богатство не для радости...
Я пойду прямой дороженькой,
Пусть убьютъ меня разбойнички!
И поѣхалъ Илья Муромецъ
Прямоѣзжею дороженькой,

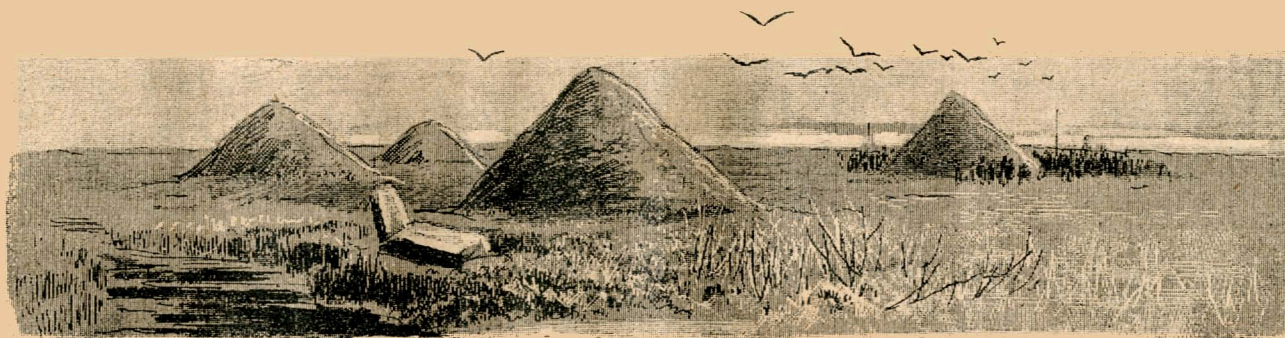
Какъ подѣхалъ къ лѣсу темному,
А на встрѣчу злые встрѣчники,
Тѣ денные подорожнички
Сорокъ пять съ однимъ разбойничковъ.
Погубить они задумали
И ограбить старца стараго.
Говоритъ имъ Илья Муромецъ:
— Ой вы, братушки, станишники,
А по русскому разбойнички!
Убивать меня вамъ не за что,
Да и брать съ меня вамъ нечего.
Шуба стоитъ двѣсти рубликовъ,
Кушачекъ не больше тысячи,
Нѣтъ цѣны коню косматому.
Передъ рѣчкой, передъ озеромъ
Перевоза онъ не спрашивалъ,
Легкимъ скокомъ перескакивалъ,
Отъ бѣды меня унашивалъ.
Усмѣхнулись разбойники:
— Сколько мы кругомъ ни ѣздили,
Дурака какъ ты не видѣли!
Принимай-ка братны стараго!
Говоритъ Илья Ивановичъ:
— Охъ вы гой еси камышнички,
А по русскому разбойнички!
Дайте старому поправиться,
Вы и мнѣ тогда поклонитесь.
Вынималъ онъ лукъ тетивчатый,
Стрѣлу легкую накладывалъ,
И стрѣляетъ не въ станишниковъ,
А стрѣляетъ въ дубъ онъ дерево!
Расщепился дубъ кряжовистый
Во черенія ножевыя...
Тутъ разбойнички попадали,
Пять часовъ лежатъ безъ памяти,
А очнувшись стали кланяться:
— Охъ ты старый богатырище,
Ты возьми все наше золото,

Наши платя разноцвѣтныя,
И коней изъ чиста полюшка.
Говоритъ имъ богатырище:
— Кабы брать мнѣ ваше золото,
За мной ямы-объ вырывалися,
Кабы брать мнѣ ваши платица,
Были-объ горушки высокія,
Кабы брать коней изъ полюшка
Табуны бы шли великіе!
Тутъ назадъ Илья ворочался,
Подѣзжалъ онъ къ камню бѣлому,
Надпись старую вычеркивалъ,
Надпись новую надписывалъ:
«Ложно было здѣсь написано...
Ѣздили я прямой дороженькой
И остался цѣль-цѣлехонекъ.»
И поѣхалъ онъ дороженькой
Что сулила быть женатому!
Выѣзжалъ онъ въ поле чистое,
Въ поле чистое зеленое,
А въ томъ полюшкѣ раздолыщѣ
Онъ увидѣлъ диво-дивное;
А оно мало для города,
Для села — куда раскидисто!
Въ полѣ чистомъ на раздолыщѣ
Гдѣ-то выселись хоромины.
Тутъ слѣзаль Илья съ косматаго,
Оставлялъ его на волюшкѣ.
И пошелъ въ хоромы Муромецъ,
А подъ нимъ мосты качаются,
Переводники сгибаются.
Тутъ на встрѣчу старцу старому
Выходила королевнища,
Брала за руки, за бѣлья,
Приводила старца къ терему,
За столы сайкала длинныя
Наносила яства разныя,
Угощала гостя милаго.

Скушалъ, выпилъ Илья Муромецъ,
Говоритъ онъ королевишнѣ:
— Ахъ душа ты красна дѣвица,
Отдохнуть дала-бъ ты старому!
Повела она усталого
Гостя въ спальню — спальню теплую.
Подошелъ Илья къ постелюшкѣ
Сталъ головушкой покачивать:
— По Руси я много ѣзживалъ,
А чудесъ такихъ не видывалъ...
Вѣдь кроватка то подложная.
Тутъ схватилъ онъ королевишну,
И бросалъ ее въ постелюшку.
Раздалась кровать тесовая,

Упадала въ погребъ дѣвица.
Выходилъ Илья тутъ Муромецъ
На широкій дворъ королевишны,
Погреба открылъ глубокіе,
Выпускалъ двѣнадцать молодцевъ
И оставилъ въ темномъ теремѣ
Только дѣву — королевишну.
Тутъ сказалъ онъ добрымъ молодцамъ:
— Расходитесь, люди добрые,
По своимъ отцамъ, по матерямъ...
Возвращался Илья Муромецъ
Подѣзжаетъ къ камню бѣлому,
Надпись старую вымарывалъ,
Надпись новую надписывалъ:

«Ложна надпись была сдѣлана:
Ѣздилъ я дорогой лѣвою,
А остался безъ супружества».
Ѣдетъ правою дороженькой —
Той, гдѣ можно быть богатому.
Ѣдетъ старый въ поле чистое,
Находилъ казну великую...
Онъ нашелъ мудреныхъ плотниковъ,
Строилъ перковь онъ соборную
Николаю-ли Святителю,
Просвѣтителю Можайскому
Въ славномъ городѣ во Кіевѣ.
Самъ пошелъ въ пещеры темныя,
Тамъ предъ Господомъ представилъ.

Чурило Пленковичъ.

Какъ во славномъ градѣ Кіевѣ,
У того ль у князь Владиміра,
Былъ почестенъ пиръ, весельице,
Столованіе великое,
На боярѣ съ князьями стѣльными,
На дружиниушку хоробрую.

Долго день идетъ до вечера,
 А почестенъ пиръ къ веселію.
 Самъ Владиміръ распотѣшился,
 На крылечко вышелъ красное,
 Поглядѣлъ во поле чистое,
 Изъ того ли поля чистого
 Отъ рѣки Суруги-матушки
 Мужиковъ толпа явилася,
 Всѣ избиты, всѣ изранены,
 Булавой пробиты головы,
 Кушаками перевязаны...
 Мужички то всѣ изъ Кіева,
 Да изъ Кіевскихъ приселочковъ,
 Бьютъ челомъ, приносятъ жалобу:
 —Гой, Владиміръ, Красно-Солнышко,
 Дай намъ судъ скорѣ праведный,
 Разсуди ты насъ съ Чурилою!
 На рѣкѣ Суругѣ-матушкѣ
 Приходили люди чуждые,
 Неводъ шелковый забросили;
 Поплавки на немъ червленныя,
 Камни грузныя изъ золота!
 Изловили рыбу красную
 Съ мелкой рыбицей-рыбешкою.
 Насъ избиты да изранили
 И безъ лову всѣхъ оставили...
 А тѣ молодцы дружиною
 Называются Чуриловой!
 Не ушла толпа обиженныхъ,
 А другая появилась...
 Идетъ ровно двѣсти молодцевъ,
 Всѣ избиты, всѣ изранены,
 Булавой пробиты головы,
 Кушаками перевязаны.
 Мужички то всѣ изъ Кіева
 Да изъ Кіевскихъ приселочковъ,
 Бьютъ челомъ, приносятъ жалобу:
 —Ой, Владиміръ, Красно-Солнышко!

Дай намъ судъ скорѣ праведный,
 Разсуди ты насъ съ Чурилою!
 Какъ на заводи на тихія,
 Приходили люди чуждые,
 Пострѣляли гуся-лебедя,
 Малу утицу пернатую,
 Насъ избиты да изранили,
 И безъ лову насъ оставили!
 А тѣ молодцы дружиною
 Называются Чуриловой!
 Не ушли и эти бѣдныя,
 Какъ другіе появились.

Идетъ триста добрыхъ молодцевъ,
 Всѣ избиты, всѣ изранены,
 Булавой побиты головы,
 Кушаками перевязаны.
 Мужички то всѣ изъ Кіева
 Да изъ Кіевскихъ приселочковъ,
 Бьютъ челомъ, приносятъ жалобу:
 —Гой, ты, князь Владиміръ-Солнышко,
 Дай намъ судъ скорѣ праведный,
 Разсуди ты насъ съ Чурилою.
 На рѣкѣ Суругѣ-матушкѣ
 Проявились люди чуждые,
 Сѣти шелковыя ставили,
 Наловили кунюкъ съ лисками,
 Пострѣляли туръ съ оленями,
 Насъ избиты да изранили

И безъ лову всѣхъ оставили.
 А тѣ молодцы дружиною
 Называются Чуриловой.
 Говоритъ тутъ Красно-Солнышко:
 —На кого давать судъ праведный?
 Я Чурилушки не вѣдаю,
 Я не знаю его вотчины,
 И не вѣдаю поселыщы,
 Гдѣ его Чуриловъ дворъ стоитъ!
 Говорятъ князья съ боярами:
 —Дворъ стоитъ его не въ Кіевѣ,
 А на томъ ли славномъ Кіевѣ,
 На рѣкѣ Суругѣ-матушкѣ,
 У креста ли Леванидова,
 У святыхъ мощей Борисовыхъ.
 Красно Солнышко тутъ латился,
 Бралъ любимаго подручника,
 Казака Ильюшу Муромца,
 Со княгинею Апраксией...
 Поднимался онъ съ дружиною,
 Со князьями со боярами,
 Со купцами со торговыми
 На рѣку Суругу-матушку,
 Подѣзжалъ къ двору Чурилову...
 А вокругъ двора булатный тынъ,
 На тыникѣ то по маковкѣ,
 На макушкѣ по жемчужинкѣ...
 Двери, окна все точенія,
 Подворотни золоченія.
 А на томъ дворѣ Чуриловомъ
 Теремовъ до полусотенки,

Сѣни первыя—рѣшотчатыя,
 А вторыя—часто сборчатыя,
 Третьи сѣни-то стекольчатыя.

Какъ изъ терема на улицу
 Выходилъ старикъ старинушка,
 На немъ шубка соболінная,

М. И. Ш. С. 1894 г.

Бралъ онъ камочку хрущатую,
Ей одаривалъ Апраксію. (См. стр. 52).

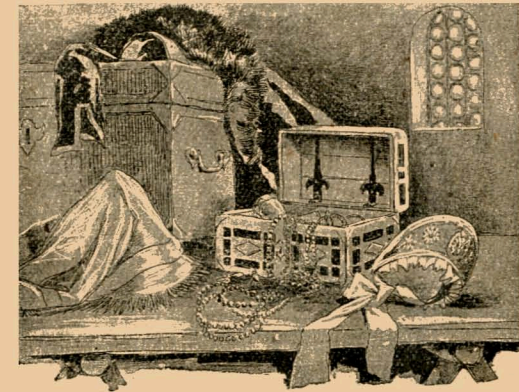
Ф. К.

Золотой парчой покрытая,
 На застежкахъ яра-золота.
 Говорилъ старикъ—старинушка,
 Князю низко-низко кланаясь:
 — Ой ты гой, Владиміръ Солнышко,
 Проходи скорѣе въ горницу
 Хлѣбъ да соль у насъ отвѣдати.
 Молвилъ князь въ отвѣтъ старинушкѣ;
 —Чтобызнать съ кѣмъ хлѣбъ да сольвести,
 Ты скажи мнѣ, старъ-старинушка,
 Какъ зовутъ тебя по имени?
 — Пленко я, старикъ, сурожскій гость,
 Я и есть Чуриловъ батюшка!

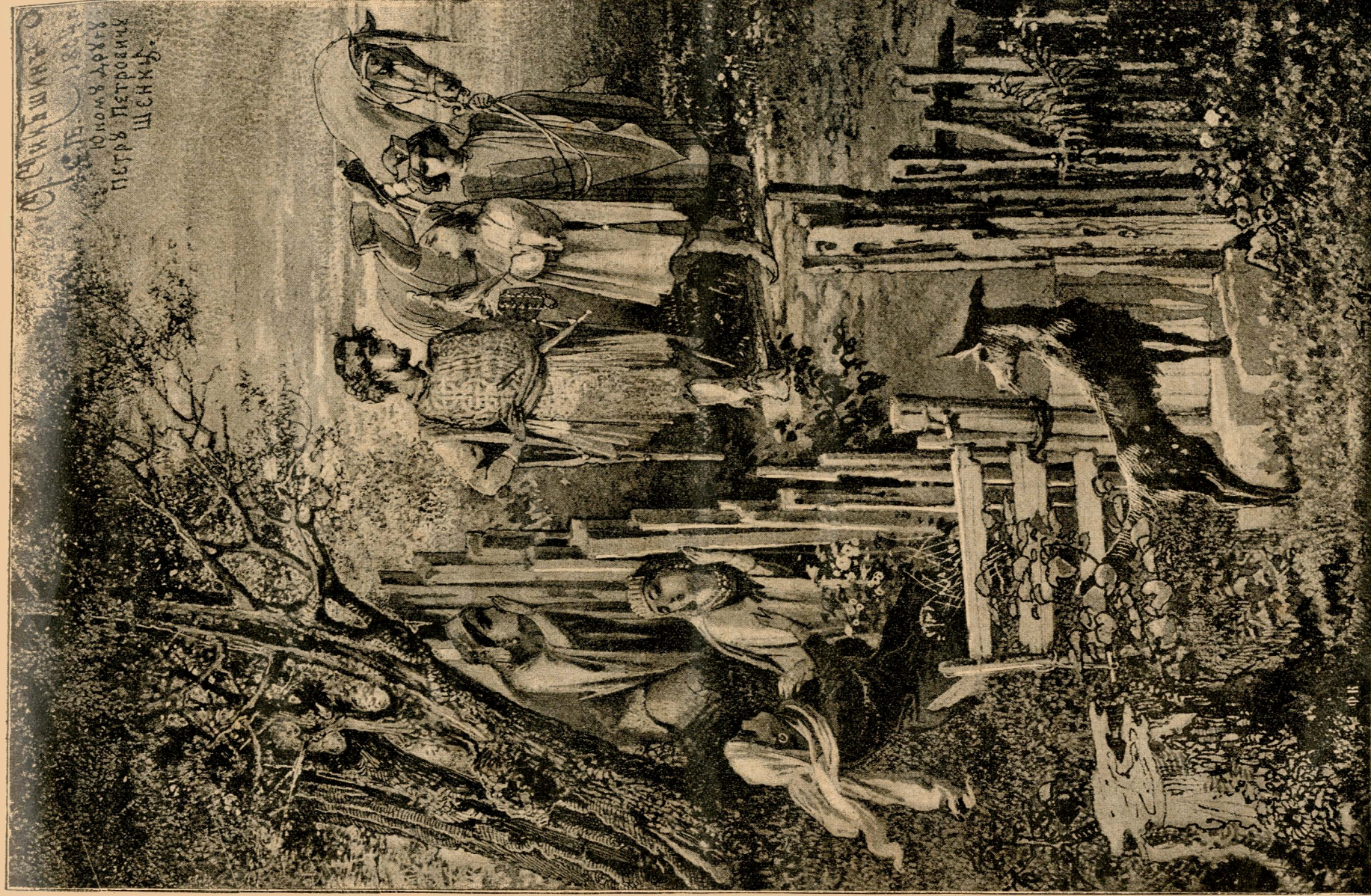
Проходилъ Владиміръ въ горницу.
 Онъ идетъ, а самъ дивуется,
 Полъ во горницѣ серебряный,
 Потолокъ кругомъ изъ золота,
 Чудо — печки изразцовыя.
 Какъ на небѣ — такъ и въ горницѣ.
 Въ небѣ свѣтитъ солнце ясное,
 То же солнышко и въ горницѣ.
 Въ небѣ мѣсяцъ тихій свѣтится,
 Тотъ же мѣсяцъ и въ свѣтелушкѣ,
 Въ небѣ синемъ блещутъ звѣздочки,
 Тѣ же звѣздочки и въ горницѣ,
 Въ небѣ зори занимаются,
 То же самое и въ теремѣ,
 Въ небѣ звѣздочка покатится, —
 Тотчасъ въ горницѣ посыплется...
 Все въ палатахъ по небесному.
 Сълъ тутъ князь къ столу дубовому,
 Повора ему проворные
 Подносили явства всякія,
 Зелено вино заморское.
 Весель добрый князь съ княгинею,
 Посмотрѣлъ онъ тутъ въ окошечко;
 Видитъ онъ: изъ поля чистаго
 Отъ рѣки Суруги — матушки

Ѣдетъ съ полюшка сто молодцевъ...
 А они то одноличные,
 Лошаденки одношерстныя,
 Ихъ уздечки сорочинскія,
 А сѣдельшки на золотѣ!
 На тѣхъ молодцахъ сапоженьки
 Изъ сафьяна изъ зеленаго,
 Кожаны на нихъ лосиные,
 На нихъ шапки златоверхія,
 А кафтанчики скурлатные.
 Молодцы горятъ, какъ огниво,
 Кони мчатся, точно соколы!
 Не дошли они до терема,
 А другіе появились,
 Изъ далеча, съ поля чистаго,
 Отъ рѣки Суруги—матушки
 Съ поля ѣдетъ двѣсти молодцевъ.
 Не дошли они до терема,
 А ужъ третьи появились.
 Ъдутъ съ поля триста молодцевъ
 Между ними одинъ молодець,
 Лучше всѣхъ, статнѣй, красивѣе.
 На немъ шуба соболиная,
 Яркимъ бархатомъ покрытая,
 Волоса его что золото,
 Шея бѣлая, лебяжая,
 Точно маковъ цвѣтикъ личико,
 Брови гнутся чернымъ соболемъ.
 Съ коня на конь перескакиваетъ,
 Вверхъ копье свое подбрасываетъ,
 Съ руки на руку подхватываетъ.
 Тутъ Владиміръ сталъ поерзывать:
 — Охъ ты Боже мой, Ты Господи!
 Что то будетъ мнѣ съ Апраксіей!
 Ужъ не царь ли то съ ордой идетъ?
 Не король ли то съ литовщиной?
 Не бояринъ ли, не сватовщикъ
 На моей ли на племянницѣ

На Запавѣ, на Путятишнѣ?
 Говоритъ Пленко, Сурожскій гость:
 — Ты не бойся, не полошайся:
 Это ѣдетъ мое дѣтище,
 Сынъ родной, Чурило Пленковичъ.
 Выходилъ Пленко, Сурожскій гость,
 На крылечко тутъ на заднее.
 — Ахъ же ты Чурило Пленковичъ,
 У тебя гоститъ любимый гость,
 Самъ Владиміръ Красно-Солнышко.
 Чѣмъ ты гостя будешь подчивать?
 Бралъ ключи Чурило Пленковичъ
 Шель Чурило къ ларцамъ дѣдовскимъ,

Бралъ онъ сорокъ черныхъ соболей,
 Много паръ куницъ съ лисицами ---
 Князя ими онъ одаривалъ.
 Бралъ онъ камочку хрущатую
 Ей одаривалъ Апраксию.
 А бояръ дарилъ онъ лисками,
 Мужиковъ дарилъ онъ золотомъ,
 А купцовъ то все куницами...
 Говоритъ тутъ Стольно-Кіевскій:
 — На тебя ли, на Чурилушку —
 Много было челобитчиковъ...

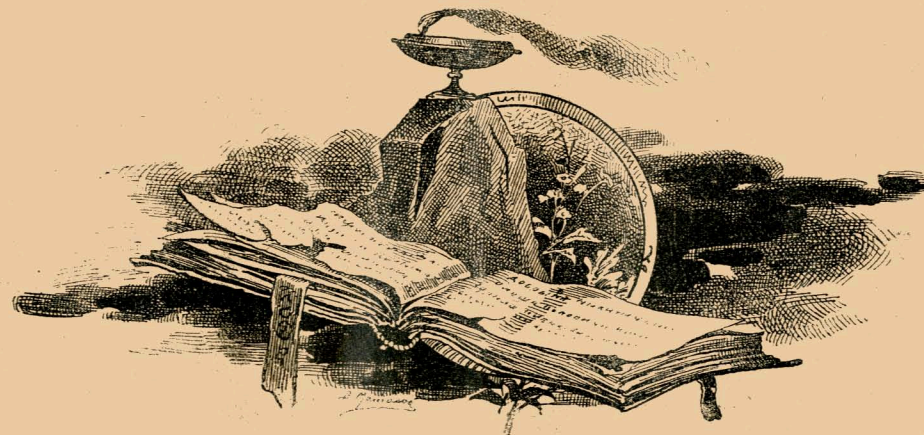
Тамъ, гдѣ дѣвушки глядятъ,
Тамъ заборы все трещатъ.

Гдѣ молодежки глядятъ,
Тамъ оконницы звенятъ. (См. стр. 54).

Все же быть тебѣ не въ Кіевѣ,
А во славномъ градѣ Кіевѣ!
Поступай ко мнѣ ты въ стольники!
Кто отъ горя отбивается,
А Чурила набивается...
Поступилъ онъ къ князю въ стольники,
А Владиміръ, Красно-Солнышко,
Для хорошаго сановника
Заводилъ пирушку славную.
Молодой Чурило Пленковичъ
Ставитъ вокругъ столы дубовые,
Онъ ходилъ все, да потряхивалъ
Волосами златокудрыми...
А они то разсыпаюся,
Точно жемчугъ, точно золото...
А княгинюшка Апраксія

Разрѣзая лебедь бѣлую —
Ручку лѣвую порѣзала
И сама всѣмъ признавалась:
— Не дивуйтесь, жены милыя,
Что обрѣзала я рученьку...
Я смотрѣла на Чурилушку,
Красотѣ его дивилася,
Такъ что очи помутилися.
Говоритъ тутъ Стольно-Кіевскій:
— Не тебѣ, Чурило Пленковичъ,
У меня быть княжымъ стольникомъ,
Быть тебѣ моимъ позывщикомъ,
Созывать гостей по Кіеву!
Кто отъ горя отбивается,
А Чурило набивается.
Аль Чурилушко ранешенько,

Умывался онъ бѣлешенько,
Сапоги надѣлъ софьяные,
И пошелъ по тѣмъ ли улицамъ,
По господскимъ переулочкамъ.
Подъ нимъ травушка не топчется,
Цвѣтъ лазоревый не ломится.
На него глядятъ дивуются,
Хоть досадно — а любятся...
Тамъ гдѣ дѣвушки глядятъ,
Тамъ заборы всѣ трещать,
Гдѣ молодушки глядятъ,
Тамъ оконницы звенять.
На него и бабы пялятся,
Отъ досады ломаютъ пялицы!
Половина ихъ отказываетъ,
А другая то приказываетъ!

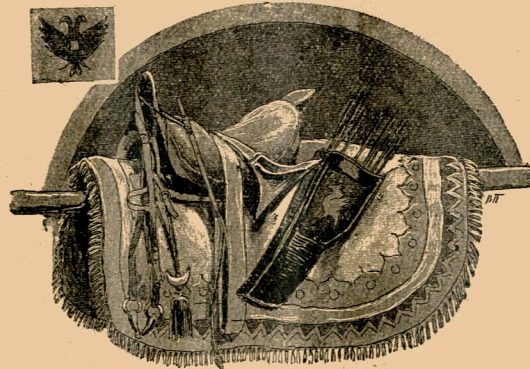

Соловей Будимировичъ.

Высота ли поднебесная,
Глубина ли океанская!
Широко кругомъ раздольице,
Страшны омуты Днѣпровскіе,
Крестъ чудесенъ Леванидовскій,
Долги плесы Чевылецкіе,
Круты горы Сорочинскія,
Быстры рѣки Понизовскія,
Черны грязюшки Смоленскія,

Изъ подъ дуба, изъ подъ старого,
 Изъ подъ вяза густолистнаго,
 Изъ подъ плачущей березыньки,
 Изъ подъ камышка гранитнаго,
 Испадала мать Нѣпра-рѣка,
 Испадала въ море Черное,
 Въ море Черное, турецкое.
 По тому ли морю Черному
 Тридцать парь плывуть корабликовъ,
 А одинъ изъ нихъ впередъ бѣжитъ,
 Быстрымъ летомъ, яснымъ соколомъ.
 И несетъ онъ гостя славнаго,
 Гостя славнаго, богатаго,
 Соловья ли Будимірыча.
 У того ли, у кораблика
 У кораблика, у Сокола,
 Вмѣсто глазъ было поставлено
 По безцѣнному по яхонту,
 Не для роскоши-угожества,
 Ради свѣта въ ночь осеннюю.
 Вмѣсто брови было вдѣлано
 Въ немъ по соболу якутскому,
 По якутскому-сибирскому,
 Вмѣсто уса было воткнуто
 По ножу въ него булатному...
 Вмѣсто уха были вставлены
 Сбоку копыя мурзаметкія,
 А на кончикѣ повѣшены
 Горностаи, звѣри зимніе.
 У того ли у кораблика,
 У кораблика у Сокола,
 Вмѣсто гривы были вдѣланы
 Двѣ лисицы чернобурія,
 Два медвѣдя края дальняго
 Вмѣсто хвостика привѣшены.
 Сведены на томъ корабликѣ
 Носъ съ кормою по звѣриному,
 А бока то по туриному,

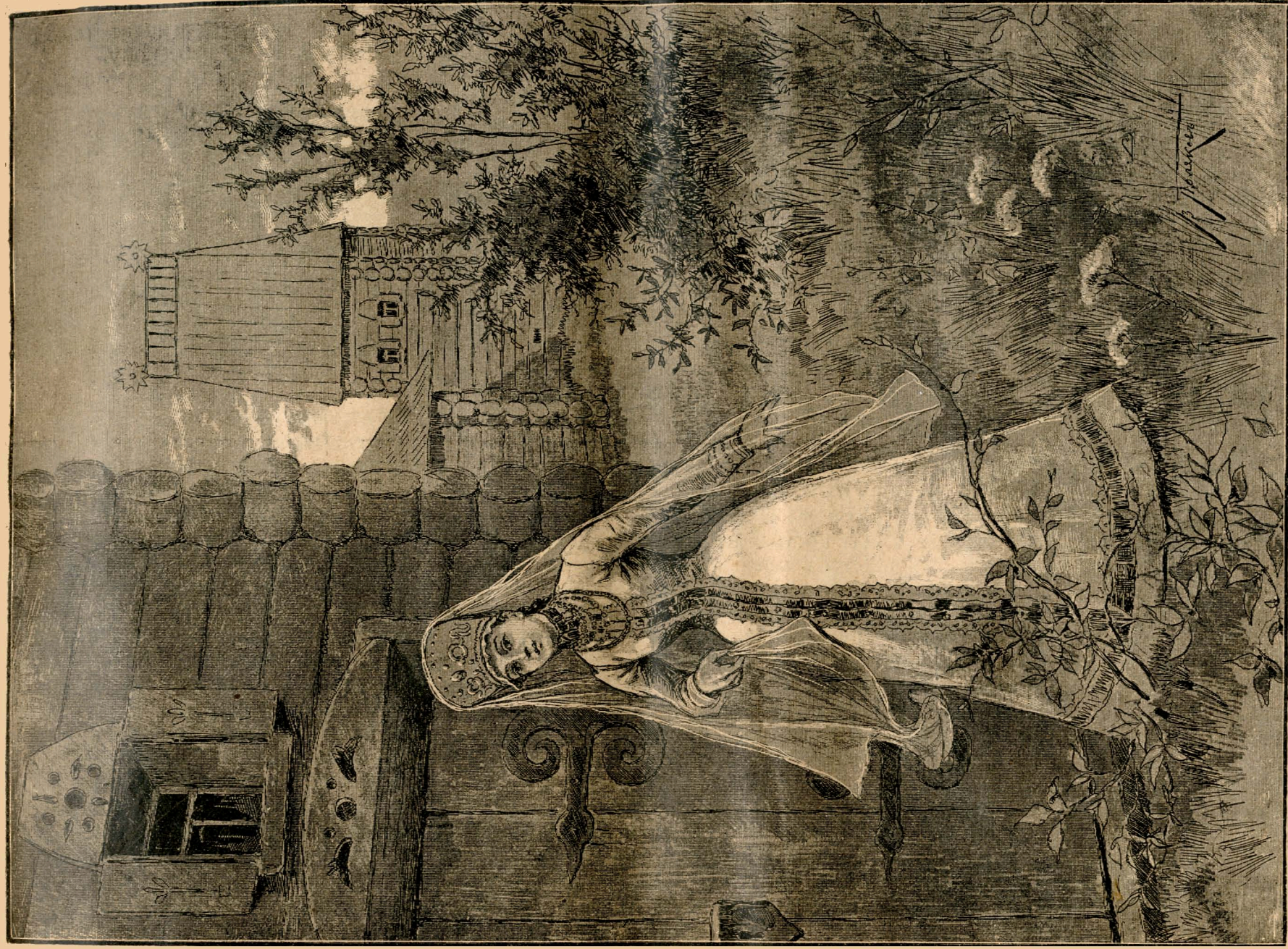
Тура страшнаго заморскаго,
 Тура грознаго Литовскаго.
 А бѣгутъ же тѣ кораблики
 Прямо къ городу ко Кіеву,
 Къ Князю свѣтлому Владиміру.
 На томъ Соколѣ—корабликѣ
 Строенъ былъ чердакъ муравленный,
 Да бесѣдка зуба рыбьяго,
 Отороченная бархатомъ.

Въ той бесѣдкѣ сидѣлъ молодець
 Соловей, сынъ Будиміровичъ,
 Со своей родимой матушкой,
 Съ Евдокіей Емельяновной,
 Соловей на звонкихъ гуслицахъ
 Спотѣшаетъ мать родимую.
 Струнку къ стрункѣ онъ налаживалъ,
 Тонъ по голосу настраивалъ,
 Тонъ идетъ изъ Нова-города,
 А другой изъ града Божьяго,*)
 А всѣ малыя припѣвочки
 Изъ за морюшка Волынскаго,
 Изъ за острова Кадольскаго,

*) Иерусалима.

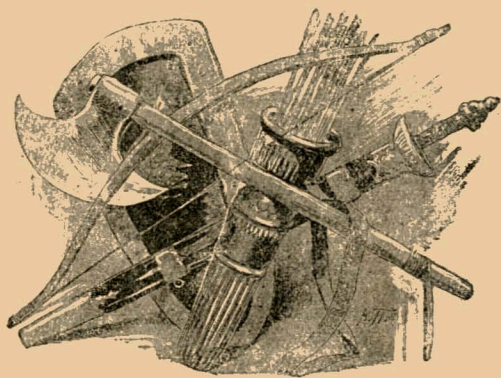
Съ лукоморія зеленаго.
 Веселилъ онъ мать родимую,
 Говорилъ слова печальныя:
 — Братцы вы, дружина храбрая,
 Какъ приѣдемъ въ стольный Кіевъ-градъ,
 Чѣмъ я буду князь-Владиміра,
 Свѣта яснаго одаривать.
 Говоритъ ему дружинишка:
 — Соловей, сынъ Будиміровичъ!
 Есть у насъ казна великая:
 Сорокъ сотенъ черныхъ соболей,
 Да лисицъ того не менѣе.
 Есть и камка малоцѣнная
 Да рисунками узорная...
 Въ Царѣ-градѣ камка дѣлана
 По рисунку Будимірыча...
 Подѣзжаетъ Будиміровичъ
 Къ граду Кіеву съ дружиною,
 Онъ беретъ казну великую,
 Сорокъ сотенъ черныхъ соболей,
 Да лисицъ того не менѣе.
 Онъ идетъ въ гридницу свѣтлую,
 Тамъ на Спасовъ образъ молится
 Князю низко покланяется,
 А княгинюшкѣ особливо.
 — Здравствуй, князь Владиміръ Кіевскій
 Со княгинею Евпраксіей!
 Говоритъ Владиміръ Кіевскій:
 — Я не знаю, добрый молодець,
 Какъ зовутъ тебя по имени,
 Величаютъ по отечеству.
 Ты король-ли, королевичъ ли?
 Иль казакъ ты съ Дону тихаго?
 Иль посолъ страны невѣдомой?
 Отвѣчаетъ Будиміровичъ:
 — Не король, не королевичъ я,
 Не казакъ я съ Дону тихаго,
 Не посолъ страны невѣдомой.

А у третьяго послушала,
Тамъ гремитъ-играетъ музыка. (См. стр. 59).

Изъ за моря, моря синяго,
Соловей я Будиміровичъ.

Подносилъ дары великіе
Соловей сынъ Будиміровичъ
Сорокъ сотенъ черныхъ соболей,
Да лисицъ того не менѣ.
А княгинюшкѣ Евпраксіи
Ту ли камку малоцѣнную,
Малоцѣнную — узорную.
Князю свѣтлому Владиміру
И княгинюшкѣ Евпраксіи
Тѣ подарки полюбилися.

Говоритъ Влядиміръ Солнышко:
— Соловей ты, Будиміровичъ,
Чѣмъ дарить тебя да жаловать,
Городами-ль съ пригородками,
Деревнями ли съ приселками,
Иль казною краснымъ золотомъ?
Отвѣчаетъ Будиміровичъ:
— Не дари меня, Владиміръ князь,
Городами съ пригородками,
Деревнями со приселками,
Ни казною краснымъ золотомъ.
Дай ты мнѣ въ надѣль залогъ земли,

Не распаханной, не оранной,
У своей ли у племянницы,
У Забавы у Путятичны:
У нея-ль въ зеленомъ садикѣ,
Въ той ли вишеньѣ, орѣшеньѣ,
Въ ночку темную осеннюю
Мигомъ выстроить три терема.
Отвѣчаетъ Стольно-Кіевскій:
— Вотъ объ этомъ, добрый молодець,
Я съ княгинею подумаю.
А развѣдавши, подумавши,
Соловью давалъ загонъ земли,
Что не паханной не оранной.
Какъ выходитъ Будиміровичъ
На карабликъ стройно-строенный —
Говоритъ своимъ товарищамъ:
— Ой же ты, дружина храбрая!
Дѣлай дѣло повелѣнное:
Скидавай цвѣтное платьице,
Одѣвай себя въ лосиное,
Что въ лосиное — звѣриное,
Топоры бери булатные,
На построй-ка мнѣ три терема,
Чтобъ верхи ихъ заплетались,
Да построй-ка этой ночною,
Этой ночною осеннею...
Тутъ дружина Соловьиная
Скидала платье новое,
Надѣвала платье старое,
Платье старое звѣриное,
Топоры брала булатные,
И стучить, стучить дружинушка
Точно дятлы носомъ въ дерево,
Дворъ поспѣлъ уже къ полуночи,
Съ теремами златоверхими.
Хорошо они украшены!
Въ небѣ солнце — солнце въ теремѣ,
Въ небѣ мѣсяцъ — мѣсяцъ въ теремѣ,

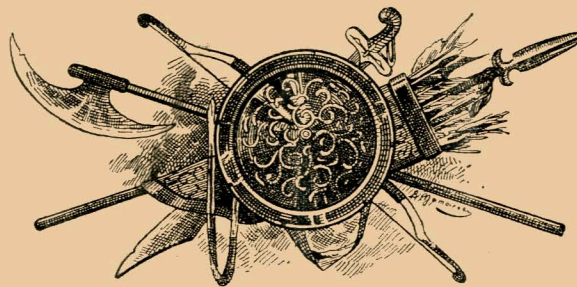
Звѣзды въ небѣ — звѣзды въ теремѣ,
Въ небѣ зорьки — зорьки въ теремѣ —
Все тамъ было по небесному.

Зорька рано загоралася,
Пробуждалася Забавушка
И глядитъ въ свое окошечко:
— Что за чудо мнѣ почудилось,
Что за диво сливалось?
Не вчера ль стоялъ зеленый садъ —
Во своей красѣ нетронутый,
А теперь стоятъ три терема,
Не простые — златоверхіе.
Гой вы, мамушки да нянюшки,
Вы сѣнныя красны дѣвушки,
Приходите — посмотрите-ка,
Что за чудо показалось
Въ той ли вишеньѣ-орѣшеньѣ.
Отвѣчаютъ мамки-нянюшки,
Да сѣнныя красны дѣвицы:
— Ой, Забава ты, Путятична!
Приходило, приналадилось
У тебя твое же счастье!
Одѣбалась снаряжалася
Тутъ Забава, дочь Путятична,

Въ ту шубейку соболиную,
 Что цѣной была въ три тысячи,
 И пошла она въ зеленый садъ;
 Въ первомъ теремѣ послушала:
 Тамъ лежитъ казна великая,
 Во второмъ она послушала,
 Говорятъ тамъ потихонечку.
 Потихоньку Богу молится,
 Со вдовами многочисными
 Мать родная Будимірыча.
 А у третьяго послушала,
 Тамъ гремитъ-играетъ музыка.
 Въ сѣни входитъ дочь Путятична,
 Дверь на четверть отворилася.
 Тутъ Забава испугалася,
 Подкосились рѣзвы ноженьки...
 Тамъ ей чудо показалось!
 Въ небѣ солнце — солнце въ теремѣ,
 Въ небѣ мѣсяцъ — мѣсяцъ въ теремѣ,
 Въ небѣ звѣзды — звѣзды въ теремѣ,
 Въ небѣ зорьки — зорьки въ теремѣ.
 Все тамъ было по небесному.
 Испугалася Забавушка,
 Да догадливъ Будиміровичъ.
 Бросилъ — кинулъ гусли звонкія,
 Подхватилъ Забаву за руки:
 — Что, Забава, испугался?
 Говоритъ ему Путятична,
 Очи ясныя потупивши:
 — Гой ты, молодецъ, Соловушка,
 Гость желанный, Будиміровичъ!
 Оба мы съ тобой на возрастъ.
 А и я, поди, на выданьѣ,
 Да пришла къ тебѣ посвататься.
 Соловей ты, добрый молодецъ,
 Ты возьми меня въ супружество...
 Отвѣчаетъ Будиміровичъ:
 — Всѣмъ то ты мнѣ полюбилася,

Да однимъ ты не понравилась,
 Что сама себя ты сватаешь!
 Стало дѣвкѣ не любешенько,
 И пошла она скорешенько
 Прочь отъ терема чудеснаго...
 Снарядился Будиміровичъ,
 Самъ пошелъ онъ старшимъ сватушкой
 Къ князю Стольному Владиміру.
 Говоритъ ему онъ, кланяясь:
 — Гой ты князь, Владиміръ-Солнышко!
 Бью тебѣ челомъ низехонько,
 Дай тебѣ мнѣ слово вымолвить.

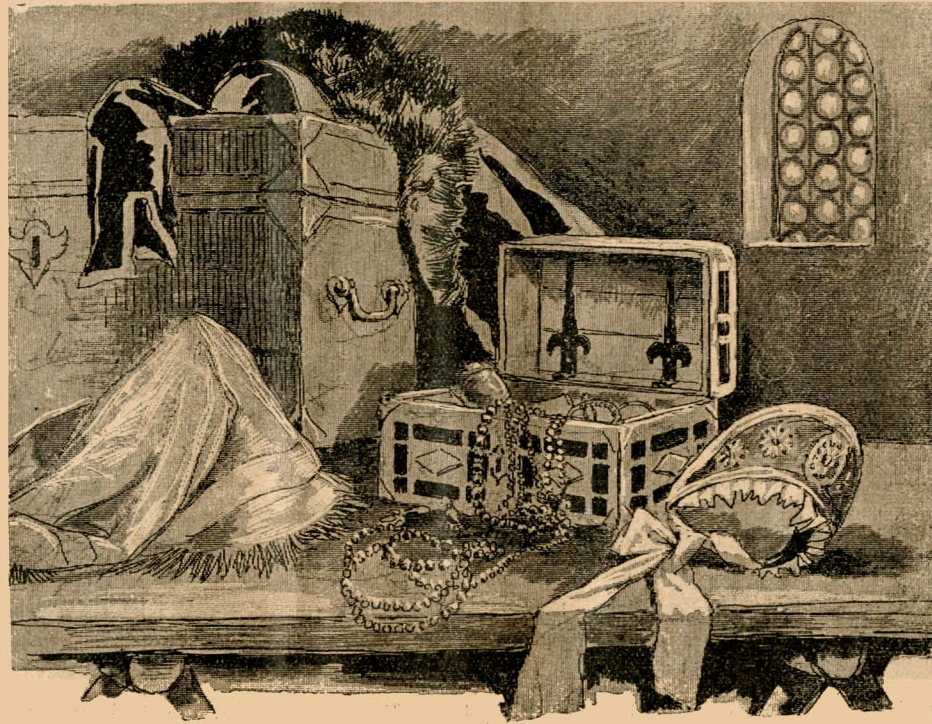
Говоритъ ему Владиміръ князь:
 — Говори со мной безбоязно,
 И проси чего захочется...
 Одарю тебя, ожалую,
 Какъ и раньше ужъ обѣщивалъ,
 Городами съ пригородками,
 Деревнюшками, съ приселками,
 Да казною, краснымъ зотоломъ.
 Отвѣчаетъ Будиміровичъ:
 — Не дари меня ты, Солнышко,
 Городами съ пригородками,
 Деревнюшками съ приселками,
 Да казною, краснымъ золотомъ.
 Есть богатство у Соловушки,
 И въ казнѣ онъ не нуждается.

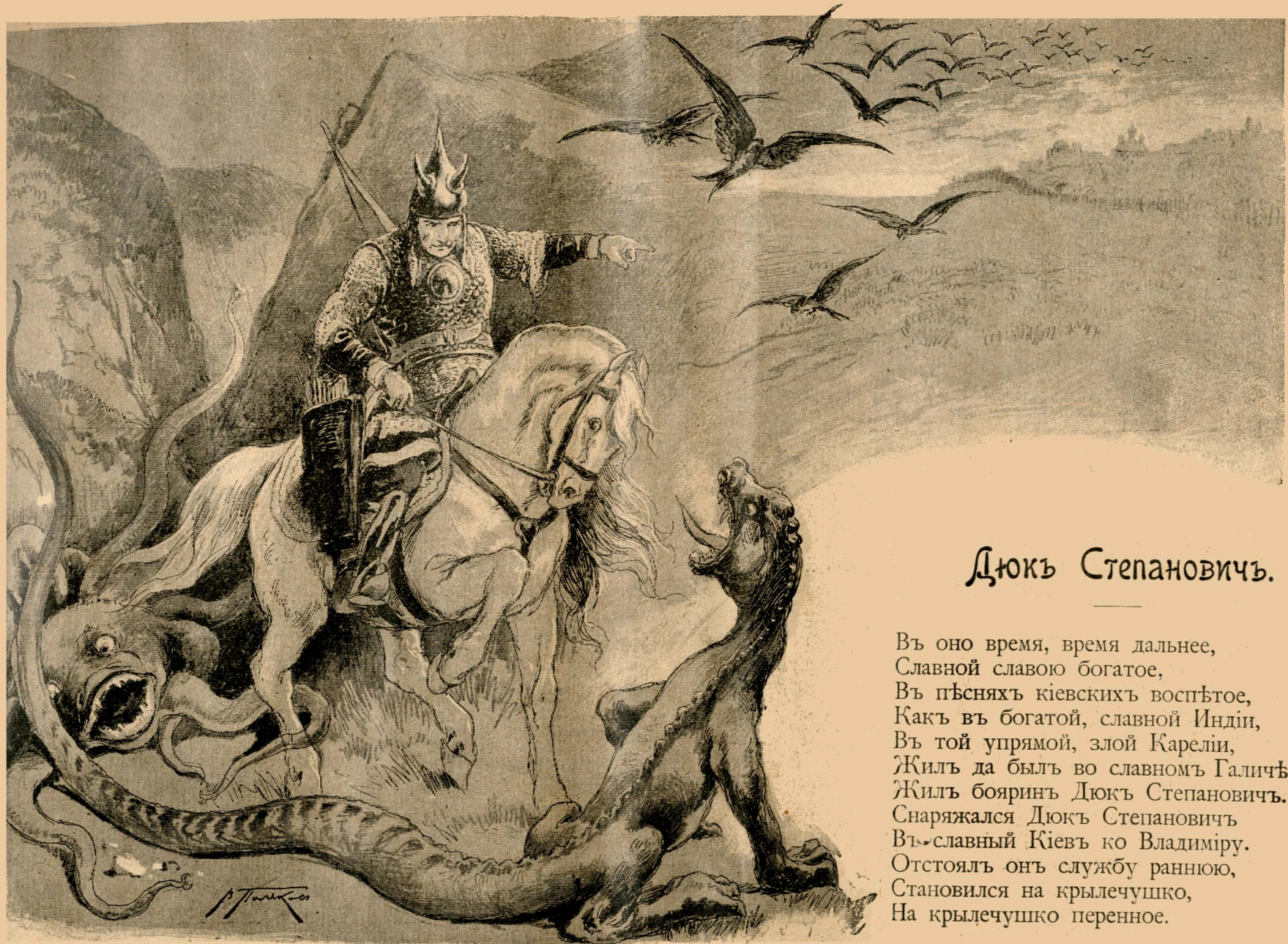
Полюбилася добру молодцу,
 Полюбилася красна дѣвица,
 Князя свѣтлаго племянница —
 Свѣтъ Забавушка Путятична!
 Самъ къ тебѣ пришелъ я сватушкой;
 Ты отдай свою племянницу
 За меня скорѣй въ замужество!
 Полюбилася рѣчь Соловушки
 Князю свѣтлому Владиміру.
 Бралъ онъ за руку Забавушку,
 Подводилъ ее къ Соловушкѣ
 И давалъ благословеньице
 На счастливое замужество.
 А у князя ли Владиміра
 Не варить же пива крѣпкаго!
 У него ли заготовлены
 Въ погребахъ стоятъ боченочки
 Съ медомъ старымъ сладкопѣнистымъ!
 У него-ль вина заморскаго
 Кладушка непочатая
 За замками, за запорами
 Для веселья приготовлена...
 У него ли яства всякія
 Подъ рукой лежатъ нетронуты.
 Собирайтесь, люди добрые,
 Къ солнцу ясному, Владиміру,
 На веселый пиръ, на свадебный,
 Величайте во супружествѣ
 Будимірыча съ Забавушкой!
 Полилось вино по чарочкамъ,
 Серебромъ оно запѣнилось.
 Заиграли гусли звонкіе,
 Гусли звонкіе, старинные,
 Заиграли про Владиміра,
 Про княгинюшку Евпраксию,
 Про его зятка Соловушку,
 Про родимую племянницу!
 Пиръ горой идетъ, весельице,

Отъ утра до поздней ночки,
А съ полуночи до утречка!
Князь Владиміръ, Ясно-Солнышко,
Обходилъ столы дубовые,
Пить гостей своихъ упрашивалъ.
А народъ то собирается
У воротъ двора Владиміра,

Славить князя со княгинюшкой,
Будимірыча съ Забавушкой.
Говоритъ тутъ Красно-Солнышко:
— На роду было написано
Породниться добру молодцу
Съ княземъ Кіевскимъ Владиміромъ,
На роду было написано

Свѣтъ-Забавушкѣ Путятинѣ
Быть въ замужествѣ съ Соловушкой!
Одарю я васъ богатствами,
Одарю казной великою,
Что бы жить не зная горести,
Въ мирѣ, въ счастьѣ и въ веселии,
Всѣмъ на радость и въ угодушку.

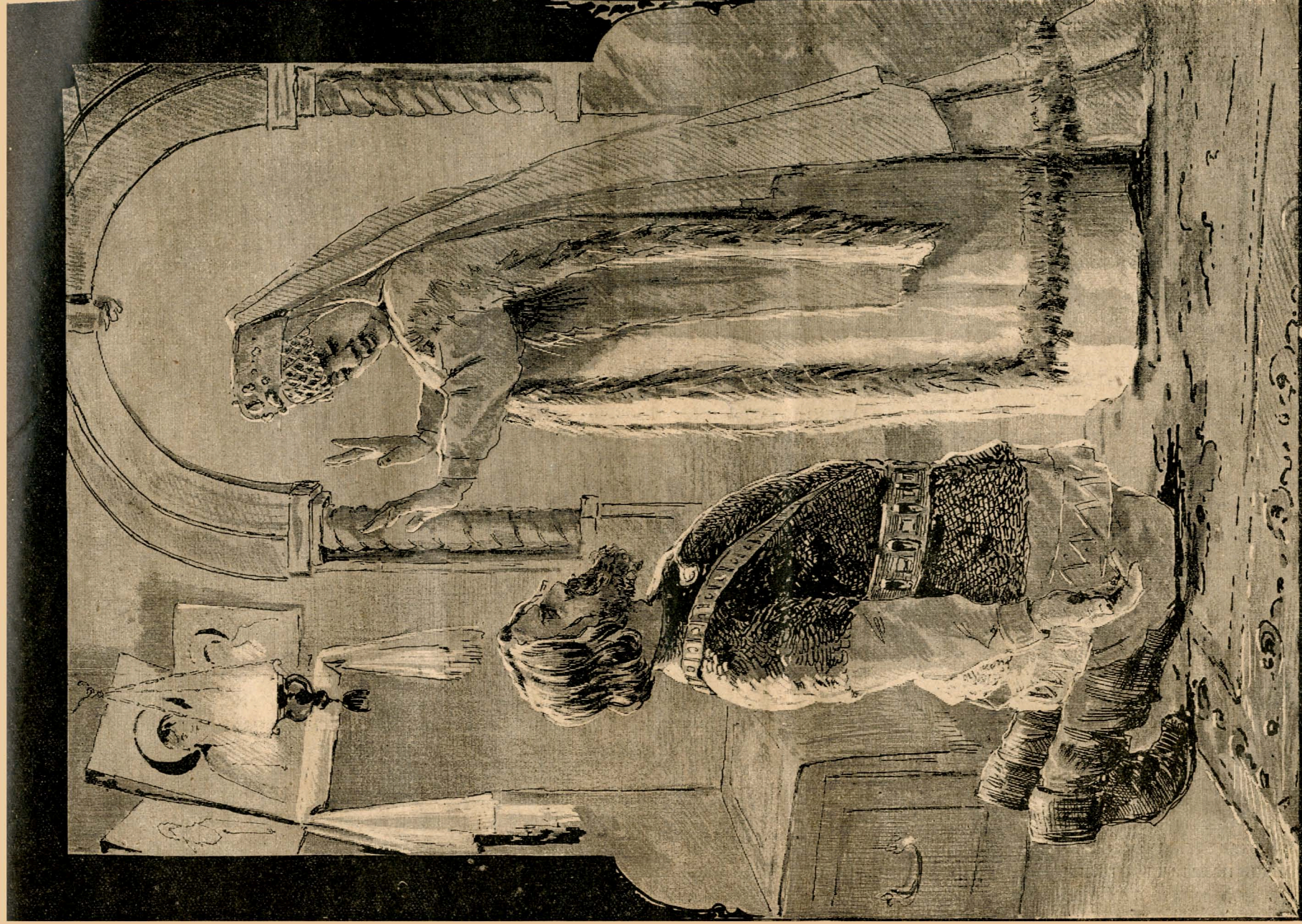
Дюкъ Степановичъ.

Въ оно время, время дальнее,
Славной славою богатое,
Въ пѣсняхъ кievскихъ воспѣтое,
Какъ въ богатой, славной Индіи,
Въ той упрямой, злой Карелии,
Жилъ да былъ во славномъ Галичѣ
Жилъ бояринъ Дюкъ Степановичъ.
Снаряжался Дюкъ Степановичъ
Въ славный Кіевъ ко Владиміру.
Отстоялъ онъ службу раннюю,
Становился на крылечушко,
На крылечушко перенное.

Выходила его матушка
Изъ того изъ храма Божьяго...
Дюкъ Степановичъ низехонько
Передъ нею поклоняется:
— Охъ ты гой, родная матушка,
Мной во всѣхъ краяхъ побывано,
Не былъ только въ славномъ Кіевѣ,
Не видалъ я князь-Владимира,
Съ государыней Апраксией.
Дай-ка сыну ты прощеньице,
Дай ему благословеньице
Ѣхать въ Кіевъ-градъ къ Владимиру
Не дорогою окольною,
А прямою-прямоѣзжею,
Поразмятъ коня косматаго,
Раззудить плечо удалое,
Поразсѣять мысли мрачныя.
Говоритъ ему тутъ матушка:
— Охъ ты гой, родное дитяtko,
Мой бояринъ, Дюкъ Степановичъ,
Я не дамъ тебѣ прощеньища,
Я не дамъ благословеньища
Ѣхать къ городу ко Кіеву,
Къ князю славному Владимиру,
Ни дорогой прямоѣзжею,
Ни дорогою окольною.
Какъ на томъ пути дороженькѣ
Три заставы есть великія:
Ужъ какъ первая заставушка —
Тѣ ли горушки толкучія,
Разойдутся эти горушки
Да опять сойдутся крѣпкія,
Пришибутъ тебя родимаго.
А вторая тамъ заставушка,
Тѣ ли птичущки клевучія...
Заклюютъ онѣ родимаго,
Заклюютъ тебя съ жеребчикомъ...
А ужъ третья тамъ заставушка —

Змѣй проклятый, змѣй горынище,
О двѣнадцати о хоботахъ,
Онъ сожретъ тебя съ жеребчикомъ...
Дюкъ Степановичъ низехонько
Предъ родимой поклоняется:
— Ай ты свѣтъ, родная матушка,
Коль позволишь, такъ отправлюся,
Не позволишь, такъ остануся...
Согласилась мать родимая,
Отпускала сына милаго,
Говорила на прощаніе:
— Охъ ты гой, родное дитяtko,
Мой бояринъ, Дюкъ Степановичъ!
Если Богъ судилъ до Кіева
Поѣзжать тебѣ къ Владимиру,
Такъ не хвастай животишками —
Тѣми вдовыми — сиротскими! —
Поклонился Дюкъ Степановичъ,
Уходилъ въ конюшню старую,
Выбиралъ коня по разуму.
Не изъ сотни, не изъ тысячи —
Бралъ онъ бурушка косматаго.
Бралъ съ собою Дюкъ Степановичъ
Много всякаго имущества.
Бралъ онъ платье самоцвѣтное,
Бралъ кольчугу красна золота,
Бралъ онъ панцырь весь серебряный...
А для бурушка косматаго
Нѣтъ цѣны по цѣлой Индіи!
На рѣкѣ онъ бродъ не спрашивалъ,
Черезъ нее онъ перемахивалъ!
Бралъ съ собою Дюкъ Степановичъ
Богатырскій лукъ разрывчатый.
А цѣна ему три тысячи...
Весь-то онъ изъ красна золота
Съ серебрянными полосками,
А тетивочка шелковая,
Что изъ шелку шимаханскаго...

Бралъ съ собою Дюкъ Степановичъ
И большой колчанъ со стрѣлами, —
Что ни стрѣлка — десять рубликовъ...
А въ колчанѣ томъ три стрѣлочки,
Не простыя, драгоцѣнныя.
Эти стрѣлки были срѣзаны
Изъ трость-древа въ Новѣ-городѣ,
Осетровымъ клеемъ склеены,
Перены орлинымъ перышкомъ,
Не того орла орловича,
Что летаетъ по святой Руси,
Бьетъ воронъ, сорокъ да галицу,
А того орла орловича,
Что летитъ по синю морю,
Бьетъ тамъ птицу гуся-лебедя,
Да и утку — птицу малую;
Онъ сидитъ на латырь-камени!
Если тотъ орелъ поднимется,
Море синее всполошится...
А леталъ орелъ надъ морюшкомъ
Да ронялъ въ него онъ перыща...
Пробѣгали тамъ кораблики,
Собирали корабельщики
Эти перыща орлиныя,
Увозили ихъ въ святую Русь,
Продавали краснымъ дѣвицамъ.
Ихъ брала для сына милаго
Мать родная Дюка юнаго
Да платила-то за каждое
Не по сотнѣ, а по тысячѣ.
На тѣхъ перьяхъ были вдѣланы
Тѣ ли камни самоцвѣтные;
А тѣ стрѣлы Дюкъ Степановичъ
Днемъ во полюшкѣ разстрѣливалъ,
И собиралъ ихъ въ ночь осеннюю...
Днемъ не видно этихъ стрѣлочекъ,
А ужъ ночью, темной осенью,
Какъ свѣча горятъ тѣ перушки.

Дюкъ Степановичъ низехонько
Передъ нею поклоняется. (См. стр. 62).

Какъ не кречеть-то выпархиваль,
Дюкъ Степановичъ выѣзживаль,
Конь подъ нимъ какъ лютый звѣрь,
Грива вьется до сырой земли,
Въ трехъ мѣстахъ она украшена,
Краснымъ золотомъ занизана.
А ужъ самъ-то Дюкъ Степановичъ
Въ путь дороженьку отправился
Выше лѣсу корабельнаго,
Ниже облака громоваго.
Наѣзжалъ тутъ Дюкъ Степановичъ
На заставушку на первую,
На тѣ горушки толкучія.
Эти горы растолкнулися,
Не успѣли снова сблизиться,
А ужъ бурый конь проскакиваль,
Быстро въ сторону повертываль,
Черезъ горы перемахиваль,
И прямымъ путемъ прискакиваль
Съ сѣдокомъ къ другой заставушкѣ...
Тамъ сидѣли птицы страшныя,
Птицы страшныя клевучія...
Не успѣли птицы грозныя
Распустить — расправить крыльица,
А ужъ бурый конь проскакиваль,
Быстро въ сторону повертываль,
Черезъ горы перемахиваль.
А тутъ третія заставушка...
Тотъ-ли страшный змѣй горынище,
О двѣнадцати о хоботахъ...
Не успѣлъ открыть онъ хоботы,
А ужъ бурушка проскакиваль,
Быстро въ сторону повертываль,
Черезъ горы перемахиваль,
Черезъ рѣки перескакиваль
И пріѣхаль прямо къ Кіеву,
Что къ палатамъ стольно-княжескимъ.
Тутъ про князя про Владиміра

Дюкъ Степановичъ опрашиваль.
Только князя не случилось:
Онъ молился въ храмѣ Божіемъ.
Тутъ пошелъ и Дюкъ Степановичъ
По широкой свѣтлой улицѣ
И приходитъ въ церковь Божію.
Крестъ кладетъ по православному,
А поклоны по ученому,
И становится съ Владиміромъ,
Межъ владыкою черниговскимъ,
Межъ Бурмятою Васильевымъ
Да Чурилою Пленковичемъ...
Говоритъ ему Владиміръ князь:
— Ты откуда добрый молодець,
Изъ какой орды иль княжества,
Какъ зовутъ тебя по имени,
Величаютъ по отечеству?
Говоритъ удалый молодець
Тотъ бояринъ Дюкъ Степановичъ:
— Государь мой, Красно Солнышко,
Я изъ города изъ Галича,
Изъ Волынь земли богатыя,
Изъ Корелы той упрямыя,
Изъ Сорочины широкия,
Изъ далекой, славной Индіи...
Я бояринъ Дюкъ Степановичъ
Услыхаль о славномъ Кіевѣ
Да объ князѣ Красномъ Солнышкѣ
И пришелъ къ нему съ поклонами...
Говоритъ Чурило Пленковичъ:
— Государь Владиміръ Солнышко!
Надъ тобой онъ насмѣхается
Съ глазу на глазъ подлыгается!
Не бояринъ — Дюкъ Степановичъ,
А мужикъ онъ деревенщина.
Жиль у гостя онъ торговаго,
Понакралъ одежду новую;
Жиль онъ въ слугахъ у боярина,

Угонялъ коня косматаго,
А пріѣхаль къ намъ, красуется,
Надъ тобою насмѣхается,
Передъ нами пролыгается!
Въ церкви Богу помолилися,
Ко иконѣ приложилися,
Вышли всѣ изъ храма Божьяго
На ту улицу широкую
На дубравушку зеленую.
Говоритъ тутъ Дюкъ Степановичъ:
— Ну и слава на Владиміра!
Все у князя не по нашему:
Храмы Божьи — деревянные,
На нихъ маковки сосновыя...
А у насъ то, въ нашемъ Галичѣ,
У моей у милой матушки,
Храмы Божіи — гранитныя,
Забѣленные известкою,
А верхушки самоцвѣтныя.
На домахъ то крыши гладкія,
Мастерами золоченыя.
Шель съ Чурилой Дюкъ Степановичъ,
На сапожки все посматриваль,
На шубейку все поглядываль.
Говоритъ Чурило Пленковичъ,
— Ужъ мнѣ кажется, доподлинно
Ты холопина дворянская:
Точно вѣкъ сапогъ не видываль,
Или шубы ты не нашиваль!
Говоритъ тутъ Дюкъ Степановичъ:
— Ну и слава на Владиміра!
Все у князя не по нашему:
Мостовыя черноземиной
Да суглинкомъ пересыпаны...
Какъ посылетъ мелкій дождичекъ —
Грязь повсюду непролазная:
Сапоги у всѣхъ мараются!
А у насъ то въ славной Индіи,

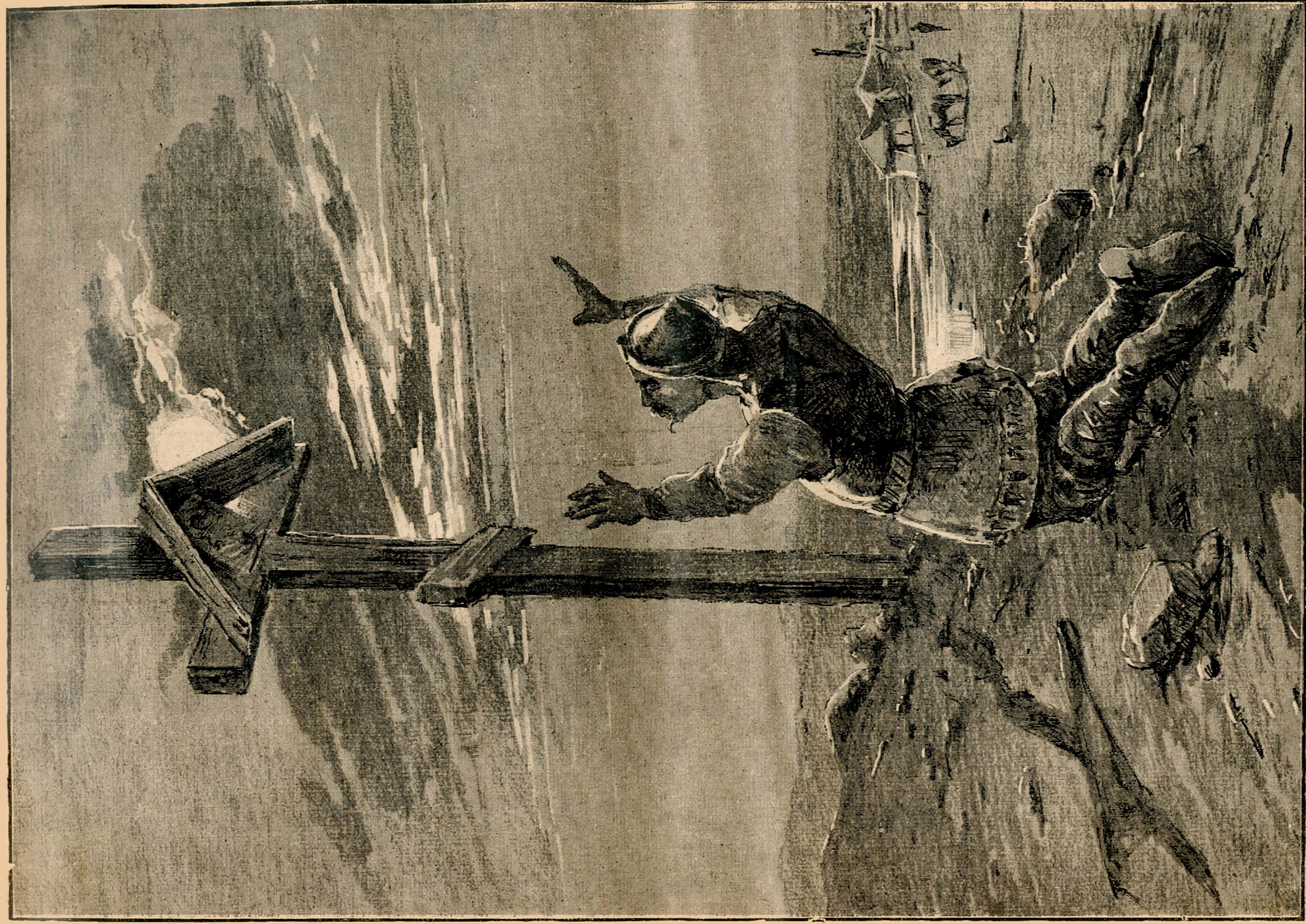

Не успѣли птицы грозныя
Распустить-расправитъ крыльица,
А ужъ бурый конь проскакивалъ. (См. стр. 61).

У моей у милой матушки,
Мостовья то замошены.
Да песочкомъ пересыпаны,
Да суконца поразостланы...
Тамъ сапожки не мараются!
Какъ пойдетъ родная матушка
Въ ту ли церковь, во соборную,
Впереди идутъ лопатники,
А за ними пометельщики,
А потомъ идутъ суконщики,
И ведутъ родную матушку,
Ту Мамелфу Тимофеевну,
Тридцать дѣвицъ со дѣвицею!
Вся она покрыта бархатомъ
Отъ того ли солнца краснаго,
Отъ росы холодной утренней,
А у васъ то просто-по-просту!
Приходили къ дому князьему,
Дюкъ Степановичъ нахмурился:
— Все у князя не по нашему!
Какъ у насъ то, въ нашемъ Галичѣ,
У моей у милой матушки,
Образовъ то подъ воротами
Семь десятковъ съ пятами,
А у князя и десятка нѣтъ!
Какъ вошли во дворъ Владиміра,
Дюкъ Степановичъ насупился:
— Ну и слава на Владиміра!
Все у князя не по нашему.
Какъ у насъ то, въ нашемъ Галичѣ,
У моей у милой матушки,
На дворѣ столбы чеканные,
На нихъ кольца золоченыя,
Сыта всякія, медвянныя,
По тому двору разставлены
Есть что лошади отвѣдывать...
У тебя ли, Красно Солнышко,
Этой славы не случилось.

Какъ вошли бояре въ горницу
Да сѣдлись всѣ за трапезу —
Подносили имъ калачики,
Тѣ калачики пшеничные!
А бояринъ Дюкъ Степановичъ
Корку верхнюю отламываль,
Корку нижнюю откидываль.
Какъ увидѣлъ Красно Солнышко —
Говорить въ сердцахъ боярину:
— Отчего ты, Дюкъ Степановичъ,
Корку верхнюю отламываль,
Корку нижнюю откидываль?
Отвѣчаетъ Дюкъ Степановичъ:
— Охъ же ты, Владиміръ Солнышко,
Не могу я ѣсть калачиковъ,
Тѣхъ калачиковъ крупчатыхъ!..
Все здѣсь, вижу, не по нашему!
Срубятъ боченьки дубовыя,
Срубятъ обручи еловые,
Съ ключевой водицей свѣжею
Мѣсятъ тутъ у васъ калачики..
У васъ печеньки кирпичныя,
А дрова то въ нихъ еловыя,
А помялышки сосновые, —
Тутъ у васъ пекутъ калачики,
А они то пахнутъ ельникомъ.
А у насъ, въ богатой Индѣи,
Въ славномъ городѣ, во Галичѣ,
У моей у милой матушки,
Серебромъ покрыты боченьки,
Что ни обручъ — то изъ золота,
На медахъ стоялыхъ мѣсятъ
Бѣлоснѣжныя калачики..
У насъ печки изразцовыя,
А дрова то все дубовыя,
А помялышки шелковыя;
Тутъ у насъ пекутъ калачики!
Сѣшь одинъ — другого хочется.

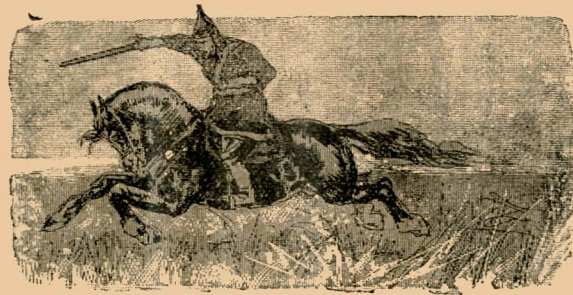
Сѣшь другой — по третьемъ плачется,
Третій сѣшь — четвертый просится!..
Подносили тутъ напитокки;
А бояринъ Дюкъ Степановичъ,
Выпилъ меду чарку первую,
А другую чарку выплеснулъ.
Говорить тутъ Дюкъ Степановичъ:
— Не могу я пить напитокковъ...
Все у васъ то не по нашему.
У васъ бочки понадѣланы,
Бочки крѣпкія добовыя,
На нихъ обручи набиваны,
Деревянные, еловые,
Въ бочки водочка положена,
Въ погребахъ на землю спушена.
Въ погребахъ не ходятъ воздухи,
Въ нихъ вино у васъ позатхнуло!
А у насъ, въ богатой Индѣи,
Въ славномъ городѣ, во Галичѣ,
У моей родимой матушки,
Серебромъ покрыты боченьки,
Что ни обручъ — съ позолотою,
Въ бочки водочка положена,
На цѣпяхъ висить, серебрянныхъ...
Въ погребахъ то вѣтры бойныя
Какъ повѣютъ съ чиста полюшка,
Загогочутъ эти боченьки,
Точно лебеди на заводяхъ...
Тамъ напитки вѣкъ не стухнутъ...
Чарку пьешь, другую хочется.
А за нею третья просится!
Говорю я вамъ, не хвастаю,
У моей родимой матушки
Вовсе платише не держится;
А съ того оно не держится,
Что портныя не выводятся:
Та толпа ушла по улицѣ,
А другая въ теремъ просится...

Помолился съ вѣрой тешлоку
Предеъ крестомъ онъ Леванидовымъ. (См. стр. 68).

Кони добрые не ѣдятся,
Ихъ стоитъ число не смѣтное,
Зоблютъ крупы бѣлоярья...
Развѣ въ полюшко повыскачатъ,
По муравкѣ наиграются.
А скажу я вамъ, не хвастая,
Какъ у насъ то во двѣнадцати
Погребахъ глубоко-копанныхъ
Серебро, жемчугъ да золото
Сверху до низу насыпано!
На одинъ тотъ погребъ выкуплю
Кіевъ-градъ я со Черниговымъ!..
Говоритъ Чурило Пленковичъ,
За столомъ дубовымъ сидючи:
— Ишь холопина дворянская,
Порасхвасталась богатствомъ!
Вотъ не хочешь ли съ Чурилушкой
Объ закладъ побиться на крѣпко:
Чтобъ три года ровно времени
Намъ прогуливать по Кіеву,
Каждый день чтобъ кони смѣнные
Тѣ ли кони перемѣнные
Были намъ съ тобою сѣдланы...
Снова на-ново побьемся-ка
Объ закладъ мы крѣпко на крѣпко,
Чтобъ три года трое сутокъ
Тѣхъ цвѣтовъ на свѣтѣ не было
Что на нашемъ платьѣ вышвѣтуть.
Мы побьемся не о тысячахъ,
А о буйныхъ нашихъ головахъ!
Говоритъ тутъ Дюкъ Степановичъ:
— Просишь ты, Чурило Пленковичъ,
Объ закладъ съ тобою удариться...
Для тебя легко, Чурилушко!
Подъ рукой твои сарайчики,
Что одеждой понаполнены...
Я жъ приѣхалъ по дорожному,
Мое платье завозное...

Объ закладъ они ударились...
За Чурилушку ручается
Князь съ любезною княгинюшкой.
А за Дюка кто ручается —
Такъ одна лишь голь кабацкая...
Тутъ бояринъ запечалился,
Помолился съ теплой вѣрою
Предъ крестомъ онъ Леванидовымъ,
Написать онъ письма длинныя,
Въ сумки клалъ ихъ переметныя.
Отпускать коня онъ бурушку,
Отпускать да приговаривалъ:
— Выручай-ка ты хозяина
Изъ великой изъ неволюшки!
Побѣжалъ каурка-бурушка
Выше дерева стоячаго
Ниже облака ходячаго...

Прибѣжалъ онъ скокомъ въ Индѣю
И заржалъ по лошадиному.
Услыхала бурку матушка,
Залилась слезами горькими!
Видно нѣтъ въ живыхъ родимаго,
Коли конь одинъ прискакивалъ...
Да взглянувши на каурушку,
Сумки Дюковы увидѣла,
Съ укоризною промолвила:
— Видно дитяtko родимое
Межъ чужими порасхвасталось,

Да на словѣ изловилось!
Положила тутъ боярыня
Въ сумки платица нарядныя
На три года съ тремя сутками...
Ускакалъ каурка бурушка,
Прискакалъ каурка къ Кіеву
И заржалъ по лошадиному,
Такъ что гости ужаснулись!
Но бояринъ Дюкъ Степановичъ
Узнавалъ коня любимаго,
Выходилъ къ нему изъ терема,
Принималъ одежды смѣнныя...
И поѣхалъ онъ по Кіеву,
Рядомъ съ нимъ Чурило Пленковичъ...
И велѣлъ согнать Чурилушка
Всѣхъ коней къ себѣ изъ Кіева
Да изъ славаго Чернигова...
А бояринъ Дюкъ Степановичъ
Встанетъ рано съ ранней зорькою,
Поведетъ коня во полюшко
Да росой его повымоетъ...
Шерсть на буркѣ перемѣнится,
За коня идетъ онъ новаго...
Годъ за годомъ три проѣздили,
А въ послѣдній день къ заутренѣ
Оба спорщика приѣхали...
Молодой Чурило Пленковичъ
Башмачки надѣлъ сафьянныя:
Носъ иглой, а пятки острыя,
Подъ пята его хоть сычъ лети,
А кругомъ хотя яйцомъ кати!
Заломилъ онъ шапку черную,
Шапку черную пушистую,
Надѣвалъ онъ шубу легкую,
Шубу мѣха соболинаго,
Въ каждой пуговкѣ по молодцу,
Въ каждой петелкѣ по дѣвицѣ:
Застегнется — такъ обнимутся,

Не гонялъ и не разгъзживалъ,
Черезъ рѣчку перескакивалъ. (См. стр. 70).

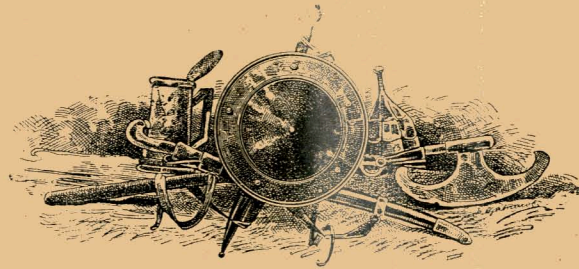
Разстегнется — поцѣлуются.
Поглядѣлъ Владиміръ Солнышко
И сказалъ онъ Дюку тихому:
— Ой, бояринъ Дюкъ Степановичъ,
Проигралъ ты буйну голову...
Не смолчалъ и Дюкъ Ивановичъ
Говоритъ онъ князю Стольному:
— Посмотри въ другую сторону!
А бояринъ Дюкъ Ивановичъ
Изъ семи шелковъ невиданныхъ
Лапотки надѣлъ на ноженьки...
Вплетены въ нихъ камни яхонты,
Что ни камень — стоитъ Кіева, —
Надѣвалъ бояринъ шапочку,
Въ шапкѣ камни самоцвѣтные
Припекаютъ, точно солнышко...
Надѣвалъ онъ шубу легкую,
Шубу мѣха соболинаго...
Лютый звѣръ на каждой пуговкѣ,
Лютый змѣй — на каждой петелкѣ...
Бралъ бояринъ Дюкъ Степановичъ
Плетку длинную шелковую,
Какъ подернулъ ей по пуговкамъ,
Заревѣли звѣри лютые,
Какъ подернулъ Дюкъ по петелкамъ,
Зашипѣли змѣи хитрыя,
А отъ рева отъ звѣринаго,
А отъ шипу отъ змѣинаго
Въ стольномъ городѣ во Кіевѣ
Люди добрые попадали...
А очнувшись понагнулися,
Да за Дюкомъ повалилися.
— Ну спасибо, добрый молодець.
Переспорилъ ты Чурилушку!
Говорилъ тутъ Дюкъ Степановичъ:
— Гой ты князь, Владиміръ-Солнышко,
Ты кому изъ насъ съ Чурилушкой
Повелишь рубить головушку?

Тутъ сказалъ Чурило Пленковичъ:
— Охъ ты гой же, Дюкъ Степановичъ!
Мы поспоримъ, прозакладуемъ
Наши буйныя головушки,
Кто чрезъ матушку Почай-рѣку
Сможетъ нынче перескакивать,
И назадъ съ конемъ отскакивать?
Говоритъ тутъ Дюкъ Степановичъ:
— Ай же ты, Чурило Пленковичъ,
Просишь ты, меня, боярина,
Объ закладъ съ тобой удариться!
Для тебя легко, позывчиво,
Подъ рукой коня удалаго
Кормишь ты отборнымъ зернышкомъ
Да водой поишь криничною...
Мой же конь простой заѣзжанный
И для спора непокладистый...
Объ закладъ они ударились
Не объ сотняхъ, не объ тысячахъ,
Объ своихъ о буйныхъ головахъ...
Выводилъ Чурило Пленковичъ
Тридцать три съ однимъ жеребчика,
Выбиралъ изъ нихъ быстрѣйшаго,
Разгонялъ его, разѣзживалъ,
Изъ того ли чиста полошка,
Съ полрѣченки въ воду вверзился...
А бояринъ Дюкъ Степановичъ
Не гонялъ и не разѣзживалъ,
Черезъ рѣчку перескакивалъ,
И обратно перемахивалъ,
А путемъ къ водѣ припадывалъ,
Да Чурилушку вытаскивалъ
И Владиміру вымолвливалъ:
— Гой ты князь, Владиміръ-Солнышко,
Ты кому изъ насъ съ Чурилушкой
Повелишь рубить головушку?
Говорилъ Владиміръ Кіевскій:
— Ой бояринъ, Дюкъ Степановичъ,

Не руби Чурилѣ голову,
А оставь ты намъ Чурилушку,
Не на радость, а для памяти...
Говорилъ тутъ Дюкъ Степановичъ:
— Охъ ты гой, Чурило Пленковичъ,
Княземъ Кіевскимъ упрошенный,
Бабьемъ кіевскимъ заплаканный,
Не тягался-бъ ты съ бурлаками,
А сидѣлъ бы въ стольномъ Кіевѣ,
День деньской промежду бабами...
Тутъ Владиміръ Стольно-Кіевскій
Отъ себя послалъ оцѣнщиковъ
Въ ту ли Индѣю богатую,
Посылалъ, а самъ промолвливалъ:
— А кого послать въ оцѣнщики?
Если мы пошлемъ Поповича,
У него глаза поповскіе.
Заглядятся, завидушіе,
На боярское богатство —
Тамъ Алеша и останется...
Надо намъ послать оцѣнщикомъ
Парня грамотою остраго,
На рѣчахъ съ людьми разумнаго;
Надо намъ послать Добрынюшку!
Тутъ Добрыня собирается,
На коня садится быстрого,
Ѣдетъ прямо къ славной Индѣѣ...
Вѣхалъ на гору высокую
И отъ ужаса обмолвился:
— Знать бояринъ, Дюкъ Степановичъ,
Слалъ нерадостную вѣсточку
Приказалъ спалить всю Индѣю!
Ай и какъ же все всполошилось!
А подѣхалъ ближе къ городу,
Видитъ чудо онъ чудесное:
На домахъ то крыши гладкія,
Мастерами золоченыя,
Мостовыя то замощены,

Да песочкомъ пересыпаны...
 И поѣхалъ онъ по Галичу,
 Находилъ онъ тамъ три терема;
 Въ первый входитъ, грузно крестится,
 До сырой земли склоняется.
 Видитъ онъ жену матерую,
 Въ платьѣ шелковомъ серебряномъ —
 И ведетъ къ ней рѣчь Добрынюшка:
 — Здравствуй, матушка боярина,
 Я отъ Дюка отъ Степаныча
 Приѣзжалъ къ тебѣ съ поклонами.
 Говоритъ жена матерая:
 — Я не матушка-боярина,
 Я боярская работница.
 Проходи къ другому терему.
 Приходилъ туда Добрынюшка,
 Видитъ тамъ жену матерую,
 Шолку нѣтъ, сама вся въ золотѣ:
 Поклонился ей Добрынюшка.
 — Здравствуй, Дюкова родильница...
 Говоритъ старуха старая:
 — Я не Дюкова родильница,
 Я боярская калачница.
 Ты ступай къ другому терему —
 Приходилъ туда Добрынюшка,
 Тамъ сидитъ жена матерая
 Шелку нѣтъ, одѣта въ жемчуги.
 Онъ и этой поклоняется
 — Здравствуй — матушка-боярина!
 Говоритъ жена матерая:
 — Я не матушка боярина,
 Я его простая нянюшка.
 Мать его пошла къ обѣденкѣ.
 Ты пойди туда, Добрынюшка,
 Да смотри, не всѣмъ тамъ кланяйся.
 Какъ пройдутъ сперва метельщики,
 Поведутъ вдову боярскую
 Ту Мамелфу Тимофеевну.

Тридцать три дѣвицы подъ руки...
 Поклонись ты ей умѣючи...
 И пошелъ во храмъ Добрынюшка,
 Видитъ онъ толпу несмѣтную:
 Впереди идутъ метельщики,
 А за ними пометельщики,
 Разстилаютъ сукна новыя.
 И ведутъ вдову боярскую,
 Ту Мамелфу Тимофеевну,
 Тридцать три дѣвицы поды руки.
 Вся она одѣта бархатомъ
 Отъ того ли солнца краснаго,
 Отъ росы холодной утренней.

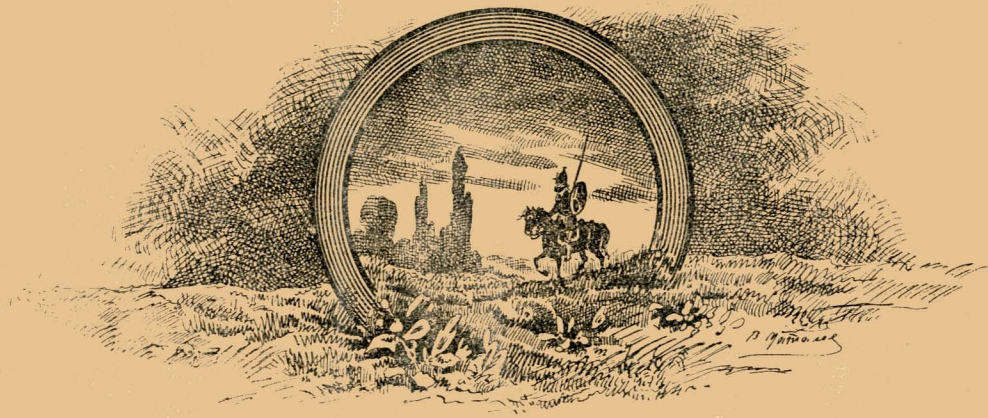
Тутъ умѣлъ Добрыня кланяться,
 Слово ласковое вымолвить:
 — Здравствуй, Дюкова ты матушка,
 Я отъ Дюка отъ Степаныча,
 Приѣзжалъ къ тебѣ съ поклонами!
 Говоритъ ему боярыня:
 — По всему я вижу, молодецъ,
 Изученье твое полное...
 По не знаю, какъ по имени
 Величать тебя по отчеству?
 — Я изъ города изъ Кіева,
 А зовутъ меня Добрынею,
 А по отчеству Никитичемъ.
 Твой любимый сынъ захвастывалъ

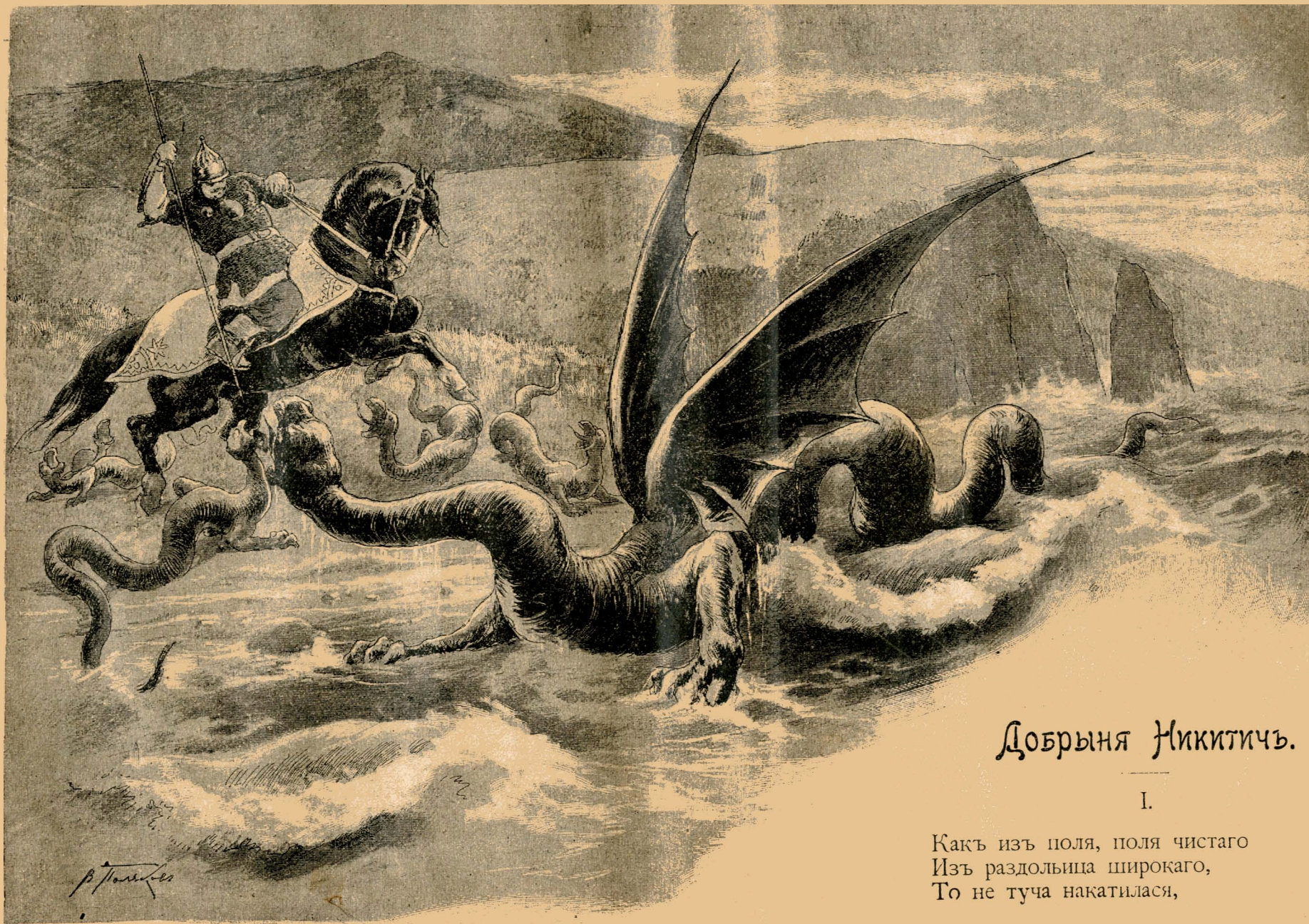
Поселеньемъ да богатствомъ...
 И приѣхалъ я оцѣнивать.
 — Такъ ступай за мною, молодецъ!
 Входятъ въ горницу столовую,
 Разстлала скатерть браную,
 Понаставили напитокки...
 Рюмку пьешь, другую хочется,
 А за нею третья просится!
 Подносили тутъ калачики...
 Съѣшь одинъ — другого хочется,
 А по третьемъ сердце плачется...
 Напился, наѣлся молодецъ,
 Отвели его въ кроваточку,
 Спалъ три дня подъ рядъ Добрынюшка,
 Да четвертый просыпается
 И пошелъ смотрѣть богатство,
 Да всѣ Дюковы селеньица.
 Тутъ амбары магазинныя,
 Въ нихъ товары все заморскіе.
 Смѣты не далъ имъ Добрынюшка.
 Въ погреба приходитъ темныя,
 Тамъ висятъ съ виномъ боченочки
 Изъ того ли красна золота...
 Поглядѣлъ на все Добрынюшка,
 Оцѣнить не могъ богатства.
 Говоритъ ему боярыня:
 — Ты скажи-ка князь-Владиміру,
 Пусть продастъ онъ славный Кіевъ-градъ,
 На бумагу, да на перыца.
 Пусть продастъ удѣлъ Черниговскій
 На чернила византійскія —
 И тогда опишетъ Дюковы
 Онъ богатства несмѣтныя!
 Попрощался тутъ Добрынюшка
 И поѣхалъ въ путь дороженьку
 Приѣзжалъ ко граду Кіеву,
 Слово вымолвилъ Владиміру:
 — Охъ ты гой, Владиміръ-Солнышко

Приказала Дюка матушка,
Чтобъ продалъ ты стольный Кіевъ-градъ.
На чернила, да на перыца,
Распродалъ удѣлъ Черниговскій
На чернила византійскія
И тогда бы шелъ описывать
Всѣ богатства индѣйскія.
Правда Дюкова сбывается,
Быстрой рѣчкой разливается!

Говоритъ Владиміръ Кіевскій..
— Ой ты гой же, Дюкъ Степановичъ,
За твою хвальбу великую
Ты торгуй во славномъ Кіевѣ
И безданно и безошлинно!
А на это Дюкъ Степановичъ
Слово вымолвилъ суровое:
— Не согрѣло солнце утречкомъ,
Не согрѣтъ ему и вечеромъ...

Какъ пришелъ я — ты не чествовалъ,
И теперь того не сдѣлаешь.
На коня тутъ сѣлъ онъ быстро,
Всѣ видали, какъ садился онъ,
А какъ выѣхалъ — не видѣли.
Съ той поры, съ того ли времени,
Поминаютъ Дюка славнаго
Въ старыхъ пѣсняхъ да сказаніяхъ
Добрымъ людямъ въ утѣшеніе.

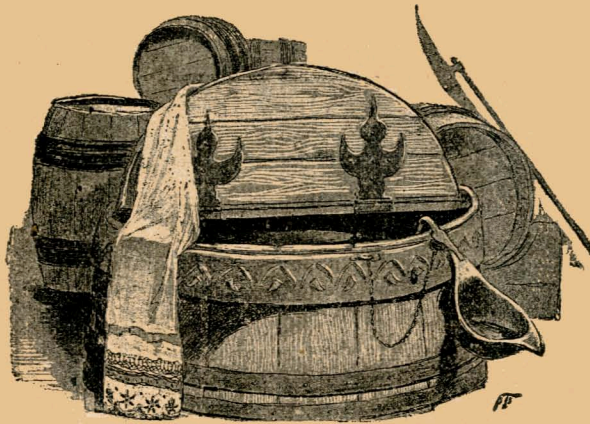

Добрыня Никитичъ.

I.

Какъ изъ поля, поля чистаго
Изъ раздольища широкаго,
То не туча накатилася,

То не вѣтры поднимались,
 Выходило-показалось
 Стадо страшное звѣриное,
 Что звѣриное — змѣиное.
 Впереди его шелъ Скимень-звѣрь.
 На немъ шерсточка булатная
 На передъ къ нему спрокинулась.
 Добѣгаетъ воръ до рѣченки,
 На дыбы тотъ воръ становится.
 И кричитъ онъ по звѣриному
 И свиститъ по соловьиному
 И шипитъ онъ по змѣиному.
 Отъ того ли крику страшнаго
 Взволновалась рѣчка быстрая,
 Взволновалась, помутилась,
 На лугахъ трава повянула...
 То почуялъ страшный Скимень-звѣрь
 На святой Руси рожденье.

Народился на святой Руси
 Тотъ Добрыня, сынъ Никитѣвичъ.
 А какъ сталъ Добрыня въ возрастѣ,
 И головушка на разумѣ —
 Началъ въ поле онъ поѣзживать,
 Да змѣенышей потаптывать.

Говорила мать Добрынюшкѣ:
 — Зачастилъ ты въ поле чистое
 На ту гору Сорочинскую,
 Тѣхъ змѣенышей потаптывать,
 Выручать людей изъ полона.
 Богъ съ тобой! Но ты, Добрынюшка,
 Берегись одной Пучай-рѣки:
 Струйка первая — огонь съчетъ,
 А вторая сыплетъ искорки,
 А отъ третьей дымъ столбомъ валитъ,
 Дымъ валитъ съ горючимъ пламенемъ.
 Но Добрыня не послушался.
 Онъ снималъ одежду новую,
 На себя надѣлъ дорожную,
 Бралъ Добрыня лукъ тетивчатый,
 Бралъ онъ стрѣлы богатырскія,
 Саблю вострую да палицу.
 Шелъ въ конюшенку стоящую,
 Осѣдлалъ коня въ сѣдельшко,
 Въ то сѣдельшко черкасское,
 Потнички онъ клалъ на войлочки,
 А на войлочки сѣдельшко;
 Пять тугихъ подпругъ подтягивалъ,
 Да еще одну для крѣпости,
 Чтобы конь съ сѣдла не выскочилъ,
 Добра молодца не выбросилъ.
 А подпруги то шелковыя,
 Пряжки новыя изъ золота,
 А шпеньки то всѣ булатные...
 Красно золото не ржавѣтъ,
 Добрый молодецъ не старится.
 И поѣхалъ нашъ Добрынюшка
 На ту горушку высокую,
 Потопталъ конемъ змѣенышей,
 Выручалъ людей изъ полона,
 И къ Пучай-рѣкѣ направился.
 Онъ сходилъ съ коня любимаго,
 Снялъ съ себя одежду старую.

Онъ зашелъ за струйку первую,
 А потомъ за струйку среднюю;
 Тамъ себѣ словечко вымолвилъ:
 — Не велѣла мать родимая
 Мнѣ купаться во Пучай-рѣкѣ,
 Молъ, она рѣка свирѣпая...
 Струйка первая огонь съчетъ,
 Изъ другой ли искры сыплются,
 А изъ третьей дымъ столбомъ валитъ,
 Дымъ валитъ съ горючимъ пламенемъ!
 А глядишь рѣка то смиренная,
 Точно лужа послѣ дождика.
 Въ это время при безвѣтрии
 Туча грозная надвинулась,
 Налетаетъ змѣй-Горынище
 О двѣнадцати о хоботахъ,
 Налетаетъ на Добрынюшку,
 Говоритъ ему по вражески:
 — Ты въ моихъ рукахъ, Никитѣвичъ,
 Утоплю тебя въ Пучай-рѣкѣ,
 Задушу тяжелымъ хоботомъ,
 Или съѣмъ тебя, Добрынюшку.

Говоритъ ему Никитѣвичъ:
 — Ахъ ты змѣй — змѣя проклятая,
 Не теперъ тебѣ Добрынюшку
 Тяжкимъ хоботомъ захватывать.

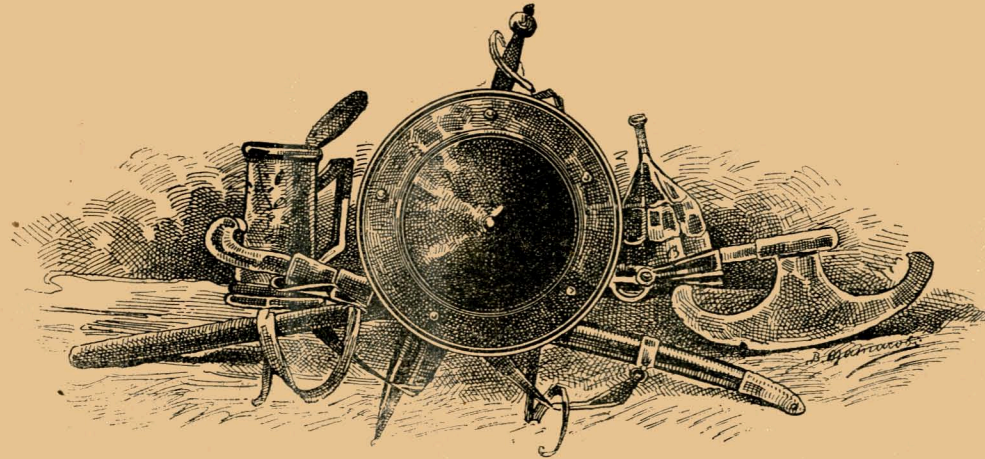

Замахнулся на Горынищу,
Сшибъ два хобота проклятые. (См. стр. 76).

Тутъ нырнулъ Добрыня въ рѣченьку,
Выплывалъ къ другому берегу.
А вернулся вспять Добрынюшка,
Смотритъ, нѣтъ коня буланого,
Нѣтъ оружья молодецкаго.
Оставалась только шляпочка,
Одна шляпа земли греческой.
Взялъ онъ шляпу въ руку сильную,

Сгребъ въ нее песку онъ желтаго,
Замахнулся на Горынищу,
Сшибъ два хобота проклятые...
На траву упалъ Горынище,
И взмолился онъ къ Добрынюшкѣ:
— Гой, Добрыня, сынъ Никитѣвичъ,
Скажемъ заповѣдь великую:
Не летать мнѣ на святую Русь,

А тебѣ не ѣздить въ полюшко,
Да змѣенышей не тапывать,
Не спасать людей изъ полона.
Взяли заповѣдь великую,
Змѣй проклятый, змѣй Горынище,
Поднялся повыше облака,
А Добрыня сынъ Никитѣвичъ
Отошелъ во стольный Кіевъ-градъ.

Опуккался змѣй-Горынище,
Бралъ Забаву, дочь Путятичну. (См. стр. 78).

II.

То не ноченька спускалася,
 То не туча поднималася
 Поднимался змѣй Горынище
 Надъ великимъ градомъ Кіевомъ.
 А Забава дочь Путятична
 Въ этотъ день гуляла съ нянею
 Въ зеленомъ саду березовомъ.
 Опускался змѣй Горынище,
 Бралъ Забаву, дочь Путятичну,
 Въ свои хоботы змѣиные
 И унесъ къ себѣ въ пещерушку.
 Сбиралъ Владиміръ-Солнышко,
 Призывалъ къ себѣ волшебниковъ,
 Кто бы съѣздилъ въ поле чистое
 Кто бы вызволилъ Путятичну.
 Говоритъ ему Алешенька:
 — Ой, Владиміръ Стольно-кіевскій,
 Ты пошли за ней Добрынюшку...
 У Добрынюшки съ Горынычемъ
 Крѣпко заповѣдь положена:
 Онъ не ѣздилъ бы во полюшко
 На ту гору Сорочинскую
 Да змѣнышей не таптывалъ,
 А чтобъ змѣй на Русь не летывать
 Да людей въ полонъ не бирывать.
 Онъ возьметъ безъ кроволитія
 Ту Забаву, дочь Путятичну.
 Тутъ Добрыня закручинился
 И потупилъ очи ясныя.
 Говоритъ ему родимая
 Мать Аѳимья Александровна:
 — Гой, Добрынюшка Никитѣевичъ,
 Что ты, милый, закручинился.
 Али мѣсто не почетное
 За обѣдомъ доставалось?

Иль обнесъ тебя кто чаркою?
 Иль дуракъ тебя вышучивалъ?
 Говоритъ Добрыня матушкѣ:
 — Мѣсто было мнѣ почетное,
 Угостили въ пору чаркою,
 Дураки межъ насъ не водятся,
 Задалъ мнѣ Владиміръ Кіевскій
 Службу трудную великую:
 Ъхать мнѣ во поле чистое,
 На ту гору Сорочинскую,
 Приходить въ нору глубокую,
 Брать Забаву, дочь Путятичну.
 Говоритъ Добрыня матушка:
 — Утро вечера мудренѣе!
 Будетъ день у насъ прибыточень!
 Какъ у насъ стоитъ въ конюшенкѣ
 Бурка дѣдушкинъ пятнадцать лѣтъ,
 По колѣна ноги въ землю вросли,
 Дверь по поясъ занавожена.
 Приходилъ Добрыня молодецъ
 Въ ту конюшенку стоялую.
 Бралъ коня изъ той конюшенки
 За уздечку за тесмяную,
 Накормилъ его пшеницею,
 Напоилъ сытой медвяною...
 Всталъ по утру онъ ранешенько,
 Умывался онъ бѣлешенько,
 Снаряжался хоропохонько.
 Провожала его матушка,
 На прощанье плетку подала,
 Не простую шемахинскую,
 Изъ семи шелковъ сплетенную.
 А сама словечко вымолвитъ:
 — Какъ поѣдешь въ поле чистое,
 Да притопчешь всѣхъ змѣнышей,
 Тѣ змѣныши проклятые
 У коня подточать щеточки.
 Такъ возьми ты въ руку плеточку

Межъ ушей ударь ей Бурушку,
 Станетъ Бурушка подскакивать,
 Да змѣнышей отряхивать,
 Всѣхъ притопчетъ до одинаго!
 Всѣ видали какъ Добрынюшка
 На коня садился бураго,
 Да не видѣли какъ выѣхалъ.
 Онъ поѣхалъ не воротами,
 Не дорожкой прямоѣзжею,
 А чрезъ стѣну перескакивалъ
 Черезъ башню наугольную.
 Ъдетъ день при красномъ солнышкѣ,
 Ъдетъ ночь при ясномъ мѣсяцѣ.
 И приѣхалъ въ поле чистое
 На ту гору Сорочинскую.
 Сталъ онъ ѣздить по раздольицу
 Да змѣнышей потаптывать.
 Цѣлый день съ утра до вечера
 Ъздилъ молодецъ Добрынюшка.
 Подточили тѣ змѣныши
 У коня лихого щеточки;
 Бралъ тогда Добрыня плеточку
 Ударялъ коня ретиваго...
 Сталъ тутъ Бурушка помахивать,
 По колѣна въ землю погрязывать,
 Онъ по полюшку помахивалъ,
 Съ ногъ змѣнышей отряхивалъ,
 Потопталъ ихъ до одинаго.
 Выходилъ тутъ змѣй-Горынище
 Изъ своей глубокой норушки,
 Слово вымолвилъ Добрынюшкѣ:
 — Какъ у насъ съ тобою, молодецъ,
 Была заповѣдь положена,
 Чтобъ не ѣздить въ поле чистое
 На ту гору Сорочинскую
 И змѣнышей не таптывать.
 Говоритъ ему Добрынюшка:
 — Ахъ же ты, змѣя проклятая,

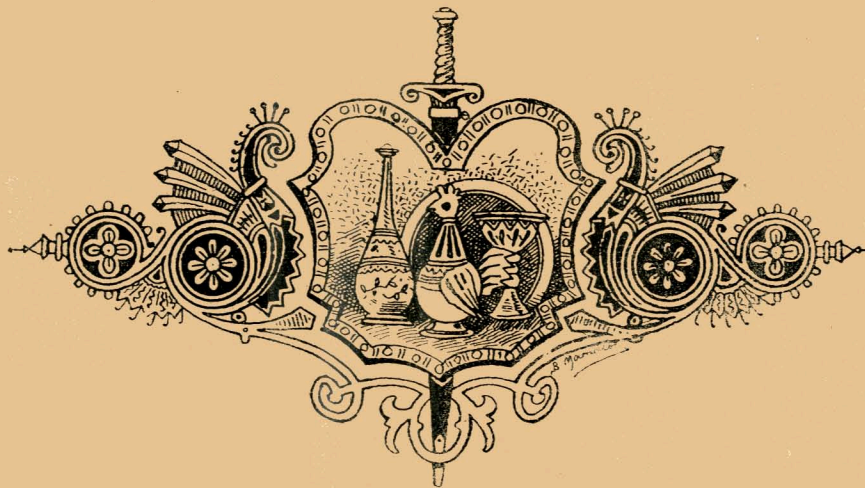

Отпускалъ Добрыня Бурушку,
У ходилъ въ нору глубокою. (См. стр. 80).

Ты зачѣмъ летѣлъ надъ Кіевомъ,
Въ полонъ бралъ княжну племянницу.
Ты отдай-ка мнѣ Путятичну
Безъ борьбы и кроволитія...
Заупрямился Горынище,
Поднялъ драку онъ великую.
Трое сутокъ бился молодець
Не побилъ змѣю проклятую,
Ужъ хотѣлъ домой отправиться
Да услышалъ голосъ съ облака:
— Гой Добрыня, сынъ Никитьевичъ,
Ты боролся трое сутокекъ,
Три часа еще поратуйся!
Бился три часа Добрынюшка,
Побивалъ змѣю проклятую,
Выпускалъ онъ кровь змѣиную
Отъ востока и до запада...
Крови той земля не приняла,
Кровь стоитъ по верху озеромъ.

Ждалъ три дня Добрыня молодець
Ужъ хотѣлъ домой отправиться,
Да услышалъ голосъ съ облака:
— Гой Добрыня, сынъ Никитьевичъ,
Ты ударъ копьемъ отточеннымъ
Въ ту сырую землю-матушку,
Ударяя — приговаривай:
«Разступись, земля широкая,
Прибери ты кровь змѣиную».
Сталъ тутъ землю бить Никитьевичъ,
Сталъ землѣ онъ приговаривать.
Разступилась земля-матушка,
На четыре разныхъ стороны,
Принимала кровь змѣиную...
Отпускалъ Добрыня Бурушку,
Уходилъ въ нору глубокую.
Находилъ тамъ много плѣнниковъ
И давалъ имъ волю вольную,
Выводилъ онъ дочь Путятичну,

На коня сажился добраго
Бралъ съ собою дочь Путятичну
И поѣхалъ по раздольицу.
Говорила тутъ Путятична:
— За твою услугу добрую
Назвала-бъ тебя я батюшкой,
Да назвать мнѣ такъ не хочется...
Назвала-бъ тебя я братушкомъ,
Да въ меня то ты не влюбишься.
Говоритъ Добрыня молодець:
— Ахъ, Забава, дочь Путятична,
Ты изъ роду княженецкаго,
Намъ слюбиться не доводится.
Приѣзжалъ Добрыня къ Кіеву,
Онъ сходилъ съ коня усталого,
Опускалъ съ него Забавушку,
Приводилъ въ палату бѣлую
Прямо къ князю ко Владиміру,
Отдавалъ ему племянницу.

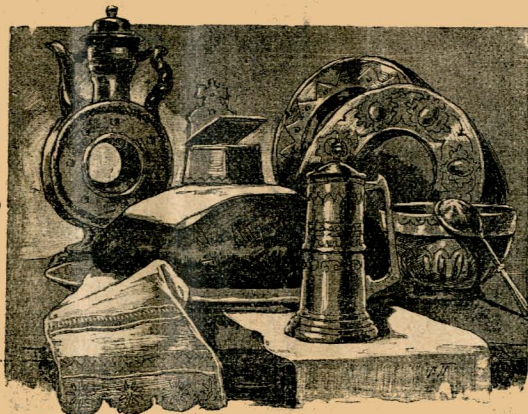

Бралъ съ собою дочъ Путятичну
И поѣхалъ по раздольицу (См. стр. 80).

Ш.

Ёдетъ по полю Добрынюшка,
 Видитъ въ чистомъ полѣ ископыть,
 Не простую — лошадиную,
 А кругомъ земля кремнистая
 Точно ломомъ проворочена.
 Ёдетъ по слѣду Добрынюшка,
 Наѣзжаетъ на могучаго
 Храбра молодца удалаго,
 А на немъ то платье женское!
 Самъ себѣ сказалъ Добрынюшка:
 — Богатырь ли ты невѣдомый,
 Или женщина-поляница,
 Или дѣвица удалая?..
 Наѣзжалъ онъ на поляницу,
 Ударялъ булатной палицей
 Прямо въ голову ей буйную...
 А сидитъ она не тронется
 И назадъ то не оглянется.
 Отъѣзжаетъ прочь Добрынюшка,
 Говоритъ себѣ съ боязнию:
 — Или смѣлость не по старому,
 Или силы не по прежнему
 У Добрыни приключилися?
 А стоялъ во чистомъ полюшкѣ
 Дубъ могучій, дубъ кряжовистый,
 Въ два обхвата человѣческихъ.
 Подъѣзжалъ къ нему Добрынюшка,
 Ударялъ рукой могучею
 И разшибъ его по ластиньямъ.
 На конѣ сидитъ Добрынюшка,
 Самому себѣ дивуется:
 — Силь въ Добрынюшкѣ по старому,
 Да и смѣлости по прежнему.
 Въ третій разъ летитъ Добрынюшка,
 На поляницу удалую,
 Ударялъ булатной палицей
 Прямо въ голову удалую.

На поляницу удалую,
 Ударялъ булатной палицей
 Прямо въ голову удалую.
 На конѣ сидитъ поляница,
 И назадъ-то не оглянется.
 Отъѣзжаетъ прочь Добрынюшка,
 Говоритъ себѣ съ боязнию:
 — Или смѣлость не по старому,
 Или силы не по прежнему
 У Добрыни приключилися?

А стоялъ во чистомъ полюшкѣ
 Дубъ могучій, дубъ кряжовистый,
 Въ два обхвата человѣческихъ.
 Подъѣзжалъ къ нему Добрынюшка,
 Ударялъ рукой могучею
 И разшибъ его по ластиньямъ.
 На конѣ сидитъ Добрынюшка,
 Самому себѣ дивуется:
 — Силь въ Добрынюшкѣ по старому,
 Да и смѣлости по прежнему.
 Въ третій разъ летитъ Добрынюшка,
 На поляницу удалую,
 Ударялъ булатной палицей
 Прямо въ голову удалую.

На конѣ сидитъ поляница,
 Да къ Добрынѣ оглянулася,
 Говоритъ ему съ усмѣшкою:
 — Э, да это не комарики,
 А удалый русскій молодець!
 Наѣзжала тутъ поляница
 На Добрыню, на Никитыча,
 Да брала за кудри желтыя,
 Прочь съ коня Добрыню сдернула,
 И въ кошель спустила кожаный.
 Ёдетъ добрый конь поляницы,
 Ёдетъ конь да спотыкается,
 Слово молвить человѣчески:
 — Ой, же ты, моя хозяйюшка,
 Свѣтъ Настасья, дочь Никулична,
 Не свези мнѣ двухъ могучихъ силъ,
 Богатырь-то крѣпкой силою,
 Богатырь-то славной смѣлостью
 Не тебѣ чета, Настасьюшка!
 Тутъ Настасья, дочь Никулична,
 Вынимаетъ добра молодца
 Изъ мѣшка къ себѣ на рученьки,
 Говоритъ слова веселья:
 — Если старъ ты — срѣжу голову,
 Если молодъ ты — въ полонъ возьму,
 А ровня—такъ обвѣнчаюся!
 Увидала тутъ Настасьюшка
 Свѣтъ Добрынюшку Никитыча,
 Говоритъ ему на радостяхъ:
 — Здравствуй, душенька Добрынюшка!
 Отвѣчаетъ добрый молодець:
 — Ой, ты, храбрая поляница,
 Какъ же знаешь ты Добрынюшку,
 А вѣдь я тебя не вѣдаю.
 Отвѣчаетъ свѣтъ Никулична:
 — Я бывала въ славномъ Кіевѣ,
 Я видала тамъ Добрынюшку,
 А меня-то онъ не видываль.

Бдетъ по слѣду Добрынюшка,
Наѣзжаетъ на могучаго

Храбра молодца удалаго,
А на немъ-то платье женское. (См. стр. 82).

Я во-чисто поле ѣздила —
Подыскать себѣ противника.
Ты бери меня, Добрынюшка,
Дочь Никуличну, въ замужество...
Отпущу тебя я въ живости.
Сдѣлай заповѣдь великую,
А не сдѣлаешь, откажешься—
На ладонь сложу я лѣвую,
Да прихлопну сверху правую —
Изъ тебя блиночекъ сдѣлаю.

Говоритъ Настасья молодецъ:
— Ой, ты, милая Настасьюшка!
Ты спусти меня по живости,
Я приму съ тобой, Никулична,
По вѣнцу златому, крѣпкому.
Сдѣлавъ заповѣдь великую,
Уѣзжать Добрыня съ милою,
Свѣтъ-Настасьею Никуличной,
Прямо къ городу, ко Киеву,
Къ князю доброму Владимиру,

Ко своей родимой матушкѣ,
Ко честной вдовѣ Афимьюшкѣ,
Свѣтъ-Афимья Александровнѣ.
Исполняли скоро заповѣдь,
Въ церкви Божьей обвѣнчались.
Ровно три дня и три ноченьки
Шель горою пирь-веселіе,
Со князьями, со боярами.
Славу пѣли тамъ Добрынюшкѣ
И Настасья свѣтъ-Никуличнѣ.

34 n108

15200 -
410366/203 810/1000
~~7500~~

955
2

pr n